Новая газета
понедельник среда пятница
№ 32 (3332) 28.03.2022 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ХЕРСОН. ЧТО УВИДЕЛА СПЕЦКОР «НОВОЙ» ЕЛЕНА КОСТЮЧЕНКО СВОИМИ ГЛАЗАМИ

страницы 11–14

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

КАК НЕЙТРАЛИЗОВАТЬ АГРЕССИВНУЮ ГОСПРОПАГАНДУ.

ПРОКРУСТОВА ЛОЖЬ

ПУБЛИКУЕМ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

страницы 2–3

4630001410018 22032

ПРОКРУСТОВА ЛОЖЬ

Как нейтрализовать агрессивную госпропаганду. Практическое пособие

ВОЗЬМИТЕ ЭТУ ПОЛОСУ. ВКЛЮЧИТЕ ТЕЛЕВИЗОР. ВЫ ВСЕ ПОЙМЕТЕ.

Изучение опыта военной пропаганды в войнах последних тридцати лет убеждает меня, что лавина пропагандистской информации, касающейся специальной операции российской армии на Украине (массовая кампания началась задолго до 24 февраля), механизмы ее распространения, набор методов создания и обработки новостей, а также охват аудитории беспрецедентны. Ничего подобного не было. Электронные медиа и соцсети набрали невероятную силу и стали могучим инструментом государственной пропаганды по всей планете. Нас, конечно, в первую очередь интересует наша страна. Как защитить сознание от искажения картины мира? Как сохранить способность к адекватной оценке событий?

Каждая кампания пропаганды воспринимается нами как нечто новое, мы вникаем в ее доводы, не подозревая, что основные принципы таких кампаний последние двести лет неизменны. Работы ученых дают тому убедительные свидетельства. Полагаю чрезвычайно полезным иметь в голове недолгий список правил, на которых базируется «нарратив пропаганды». Предлагаем их нашим читателям.

Основные тезисы оправдания берут начало в идеологии национализма, обожающего рассуждать об исторических правах на территории и этническом родстве (принцип «земли и почвы»). Они таковы:

✔ Если ваша область была нашей в течение 500 лет, а вашей она стала только в течение последних 50 лет — вы оккупант.

✔ Если территория была вашей в течение 500 лет и нашей в течение последних 50 лет, она должна принадлежать нам — границы не должны быть изменены.

✔ Если область принадлежала нам 500 лет назад, и потом уже больше никогда не принадлежала, — она должна принадлежать нам как колыбель нации.

✔ Если там живет большинство нашего народа, то область должна принадлежать нам, — он должен пользоваться правом на самоопределение.

✔ Если в какой-то области живет меньшинство наших людей, она должна принадлежать нам — потому что наше меньшинство должно быть защищено от угнетения.

✔ Все вышеперечисленные правила применяются только к нам, но никогда — к вам.

✔ Наша мечта о величии — это историческая необходимость. Ваши мечты о величии — это фашизм.

Конечно, вы узнали эти доводы, за последние полгода вы сотни раз слышали их от официальных лиц и читали в социальных сетях. Думаете, это про спецоперацию на Украине? Вовсе нет. Так они сформулированы на основании изучения опыта пропаганды в ходе конфликтов на Балканах в конце XIX и начале XX веков, а также длительной истории спора Франции и Германии за Эльзас и Лотарингию. В этом виде формулы национализма вошли в изданную в 2001 году книгу Стюарта Кауфмана «Современная ненависть: символическая политика этнической войны». Они базируются на богатейшем опыте Norwegian Refugee Council (Норвежского совета по делам беженцев), в документах которого встречаются неоднократно.

Изучая опыт пропаганды и контрпропаганды стран Антанты и Тройственного союза в Первой мировой войне, лорд Артур Понсонби (1871–1946) написал книгу «Ложь во время войны» (Falsehood in war-time). Он первый так четко и исчерпывающе изложил и проиллюстрировал конкретными примерами уже намного более широкие принципы военной пропаганды. Вдохновленная его трудом Анна Морелли, бельгийский историк итальянского происхождения, систематизировала их и изложила в современном виде.

В диссертации «Основные принципы военной пропаганды» (Principes elementaires de propagande de guerre) Морелли исследовала опыт всех войн и колониальных конфликтов XX и нынешнего веков. Сверьтесь с принципами Морелли. Вы все поймете. Вот тот знаменитый список:

✔ Мы не хотим войны. Это означает, что враги нас ненавидят и хотят напасть первыми.

✔ За все несет ответственность другая сторона. Даже если первыми напали мы, к этому привели некие шаги противника.

✔ Лидер противоборствующей страны — сущий дьявол. Персонификация образа врага в глазах граждан — важнейшая задача.

✔ Мы боремся за благородные цели, а не преследуем свои интересы. То есть мы действуем не из корысти.

✔ Враг целенаправленно совершает злодеяния, мы — только случайно. Истории про искалеченных детей, концлагеря, уничтожение предметов искусства, поощрение в армии врага насилия над беззащитными доказывают его варварство как следствие врожденных склонностей.

✔ Враг использует запрещенное оружие.

✔ Наши потери незначительны, потери противника огромны. Реальные потери сторон устанавливаются кропотливым трудом историков, журналистов и гражданского общества по окончании конфликта.

✔ Представители культуры, искусства и интеллектуалы поддерживают наше дело.

✔ Наша миссия священна.

✔ Предателем является любой, кто поставит под вопрос сообщения наших СМИ. Пропаганда не должна вызывать никаких сомнений. Для этого хороши любые меры, вплоть до блокировки соцсетей, запрета телеканалов.

Подготовил **Валерий ШИРЯЕВ,** «Новая»

«ОТНИМАЛИ НЕ РАЗ ВАШУ РОДИНУ — МЫ ПРИХОДИМ ЕЕ ВОЗВРАТИТЬ»

Как Советский Союз побеждал маленькую Финляндию

Александр АРХИПОВ / ТАСС

Финляндия согласно секретному протоколу пакта Молотова — Риббентропа была отнесена к сфере интересов Советского Союза. Вместе с восточными районами Польши и Прибалтийскими странами — Литвой, Латвией и Эстонией.

Из выступления председателя Совнаркома и народного комиссара иностранных дел В. Молотова на IV сессии Верховного Совета СССР: «В особом положении находятся наши отношения с *Финляндией*. Это объясняется главным образом тем, что в Финляндии больше сказываются разного рода внешние влияния со стороны третьих держав. Беспристрастные люди должны, однако, признать, что те же вопросы обеспечения безопасности Советского Союза, и особенно Ленинграда, которые стояли в переговорах с Эстонией, стоят и в переговорах с Финляндией. Можно сказать, что в некотором отношении вопросы безопасности для Советского Союза здесь стоят даже острее, поскольку главный после Москвы город советского государства Ленинград, находится всего в 32 километрах от границы Финляндии. Это значит, что Ленинград находится от границы другого государства на расстоянии меньшем, чем это нужно для артиллерийского обстрела из современных дальнобойных орудий. Считаясь с таким положением, а также с создавшейся в Европе обстановкой, можно рассчитывать, что со стороны Финляндии будет проявлено должное понимание...»

С финнами попытались договориться миром, не получилось.

Молотов: «...Я напомню, что население Ленинграда достигло трех с половиной миллионов, что почти равно населению всей Финляндии, насчитывающей 3 миллиона 650 тысяч жителей. (*Веселое оживление в зале.*)

...Едва ли есть основания останавливаться на тех небылицах, которые распространяются заграничной прессой о предложениях Советского Союза в переговорах с Финляндией. Одни утверждают, что СССР «требует» себе г. Випури (Выборг) и северную часть Ладожского озера. Скажем от себя, что это чистый вымысел и ложь. Другие утверждают, что СССР «требует» передачи ему Аландских островов. Это такой же вымысел и ложь. Болтают еще о каких-то претензиях, якобы существующих у Советского Союза в отношении Швеции и Норвегии. Но это беспардонное вранье просто не заслуживает опровержения. (*Общий смех.*) На самом деле наши предложения в переговорах с Финляндией являются максимально скромными и ограничиваются тем минимумом, без которого невозможно обеспечить безопасность СССР и наладить дружеские отношения с Финляндией».

Переговоры об «обмене территориями» зашли в тупик. Заговорили пушки.

ТАСС сообщил: 26 ноября 1939 года в 15 часов 45 минут финская артиллерия обстреляла советскую пограничную заставу на Карельском перешейке у деревни Майнила: четыре красноармейца были убиты, девять ранены.

Странно, но нигде и никогда не были названы имена убитых и раненых. Они таинственным образом исчезли.

Финские пограничники зафиксировали выстрелы с советской территории. Судя по некоторым свидетельствам, перестрелку на границе устроил начальник управления НКВД по Ленинградской области комиссар госбезопасности 2-го ранга Сергей Гоглидзе. После финской войны он получил орден Красного Знамени. В 1953 году — расстрелян вместе с Берией.

> СТОЛКНУЛИСЬ АРМИИ ДВУХ МИРОВ. КРАСНАЯ АРМИЯ — САМАЯ МИРОЛЮБИВАЯ, И АРМИЯ ПРОДАЖНОГО ФИНЛЯНДСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

А тогда Договор о ненападении между двумя странами был немедленно разорван. Войска Ленинградского военного округа перешли госграницу, под заранее написанную композиторами Даниилом и Дмитрием Покрассами и поэтом Анатолием Д'Актилем песню:

Сосняком по откосам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер!

Ломят танки широкие просеки,
Самолеты кружат в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.

Мы привыкли браться с победами,
И опять мы проносим в бою
По дорогам, исхоженным дедами,
Краснозвездную славу свою.

Много лжи в эти годы наверчено,
Чтоб запутать финляндский народ.
Раскрывайте ж теперь нам доверчиво
Половинки широких ворот!

Ни шутам, ни писакам юродивым
Больше ваших сердец не смутить.
Отнимали не раз вашу родину —
Мы приходим ее возвратить.

Мы приходим помочь вам расправиться,
Расплатиться с лихвой за позор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер!

1 декабря из Ленинграда привезли в финский приграничный поселок Терийоки, только что занятый советскими войсками (ныне город Зеленогорск), «правительство» «Финляндской демократической республики». «Правительство» провело заседание, которое стенографировал сын самого Отто Куусинена* по-русски, и призвало финский народ встретить Красную армию как освободительницу.

2 декабря Куусинен вернулся в Москву. Его принял Сталин. Молотов подписал с ним договор о взаимопомощи и дружбе. Договор предполагал передачу СССР островов, прикрывавших вход в Финский залив. Полуостров Ханко передавался в аренду на 30 лет. В обмен Советский Союз был готов «уступить» Финляндии территорию советской Карелии вместе с населением, которое никто не собирался спрашивать, желает ли оно оказаться в составе другой страны.

Молотов немедленно обратился в Лигу наций с заявлением: «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу. Советский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря заключен договор о взаимопомощи и дружбе».

Тем не менее из Лиги наций СССР исключили.

Но собственно с военными действиями начались пробуксовки. Финские трудящиеся не встречали своих «освободителей» цветами, и даже местные коммунисты как-то ушли от их безоговорочной поддержки.

2 декабря 1939 года «Ленинградская правда» писала: «Невольно любуешься доблестными бойцами Красной Армии, вооруженными новейшими снайперскими винтовками, блестящими автоматическими ручными пулеметами. Столкнулись армии двух миров. Красная армия — самая миролюбивая, самая героическая, могучая, оснащенная передовой техникой, и армия продажного финляндского правительства, которую капиталисты заставляют брящать оружием. А оружие-то, скажем откровенно, старенькое, поношенное. На большее пороху не хватает...»

Будущий маршал артиллерии Н. Воронов написал потом, что на всю операцию планировалось до десяти дней. Продолжалась же она более ста и решительной победой отнюдь не увенчалась. Убитые были не подсчитаны, раненые и обмороженные тоже. Нарком обороны Ворошилов распрощался с должностью. Песню про «Суоми-красавицу» петь перестали. «Карело-Финскую Республику», подаренную Куусинену, тихо, без литавр вернули в «первобытное состояние». Отпущенных пленных распихали по лагерям. Войну вообще старались не упоминать, знаменитый поэт назвал ее «незнаменитой»... Но договорились при этом между собой, что закончилась она — победой!

Другое дело, весь мир увидел, что Красная армия вовсе не так сильна, как сама считала. Еще хуже, что это увидел Гитлер.

Павел ГУТИОНТОВ,
обозреватель «Новой»

* *Отто Куусинен — революционер и политик, советский политический и партийный деятель.*

опыт частного сопротивления

Светлана Кузьмина

Матвей ФЛЯЖНИКОВ — специально для «Новой»

Сергей МАЛЬГАВКО / ТАСС

Жена саратовского солдата-срочника добивается его возвращения домой из Украины

«ЗАБИРАЙ МЕНЯ, ЗДЕСЬ — КОШМАР»

Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков заявил, что Владимиру Путину «до сих пор не поступало какой-либо информации от военной прокуратуры» о том, почему солдаты-срочники оказались на Украине. «Разумеется, такая серьезная работа требует времени», — отметил Песков.

Напомним, что изначально Министерство обороны отрицало участие в спецоперации солдат срочной службы. 9 марта официальный представитель ведомства Игорь Конашенков признал, что «обнаружились несколько фактов присутствия военнослужащих срочной службы». «Практически все такие военнослужащие уже выведены на территорию России. В настоящее время предпринимаются исчерпывающие меры по недопущению направления военнослужащих срочной службы в районы боевых действий», — заявил Конашенков.

Тогда же, две недели назад, Дмитрий Песков пояснил, что некие злоумышленники обманули самого главнокомандующего: «До начала проведения специальной военной операции до всех командиров подразделений Вооруженных сил было доведено указание: категорически исключить привлечение военнослужащих срочной службы для выполнения любых задач на территории Украины. Президенту Путину было доложено о выполнении этого указания». Главной военной прокуратуре было поручено найти и наказать «должностных лиц, ответственных за невыполнение этого указания».

«С ним все прекрасно»

«На горячей линии Минобороны говорят, что Артем — на боевом задании, с ним все прекрасно. Я спрашиваю: когда мне мужа обратно пришлют? Президент две недели назад обещал! Оператор отвечает: не ко мне вопрос, я могу только проверить фамилию по спискам убитых, раненых и пленных», — говорит жительница Саратова Светлана Кузьмина.

Она листает чат родственников солдат, оказавшихся на Украине. Со Светланой мы разговариваем за столиком кафе в ТЦ. Вокруг — пластиковые пальмы, журчит фонтан, официантка из окна выдачи выкрикивает номера готовых заказов. «Мне все время холодно, потому что я знаю, что ему сейчас холодно. Насчет еды я спрашивала, он промолчал. Говорит, что видел убитых. На заднем фоне я слышала взрывы», — рассказывает Светлана, растирая побелевшие ладони.

Самодельное счастье

С будущим мужем Света познакомилась, подав объявление о поиске мастера для ремонта. Артем пришел и сказал, что готов работать за еду. Рассказал, что с пяти лет рос в интернате в Пугачевском районе, потому что мать пила. Выучился в ПТУ на штукатура. После выпуска не получил положенной сиротам квартиры, жил где придется. Светлана была вдовой, в одиночку воспитывала маленькую дочь. Горькая история ее тронула. Молодые люди сблизились.

Выпускники детдомов нередко сбиваются в компании, потому что не справляются с реальностью вне казенных стен. Отпускать Артема в новую благополучную жизнь приятели не хотели. «Интернатские дружки уговорили его ехать в Питер, мол, там заработаешь кучу денег. Тёма — безответный, ведомый. Ему сказали — он поехал. В Петербурге с работой обманули. Он без копейки, в летних кроссовках остался на вокзале. Позвонил мне».

Света заняла у родственников деньги на обратный билет для Артема. «Говорю ему: сейчас подойдешь к банкомату, будешь снимать по одной купюре и мне отчитываться. Теперь иди в кассу. Ты точно на том вокзале, откуда уходит поезд на Саратов? Спроси у кассира. Ты узнал, как доехать на нужный вокзал? Ну вернись к тете-кассиру, спроси!» — девушка со смехом рассказывает, как дистанционно руководила передвижениями молодого человека по питерскому метро, объясняла, где можно подзарядить телефон, где ждать отправления поезда. «Выдохнула только, когда Артем прислал селфи в нужном вагоне».

Светлана устроила мужа продавцом в магазин, записала в автошколу, помогла купить машину. «Я сама занимаюсь уборками. — Девушка показывает черную визитку с крупной надписью «Клининг». — Еще ресницы наращиваю, копчености делаю. В общем, кручусь».

«Когда я забеременела, Артем трясся надо мной. В дождик мне хотелось подышать влажным воздухом, я шла на улицу, он ходил за мной с зонтиком. Когда Кирюха родился, купал его и кормил. Сыну исполнилось три месяца, у Артема был выходной. Я говорю: одевайся поспортивному, поехали, у меня для тебя сюрприз. Привезла его на Кумысную поляну, а там — горные велосипеды! Столько эмоций было, он на всех спусках скакал, только пыль стояла! Летом ездили на острова. Там катер катает отдыхающих на ватрушке. Я знаю, что он этого никогда не пробовал, вижу, что ему хочется. Говорю: ладно, катайся, я пока палатку поставлю».

Молодые супруги часто ходили в кино. Светлана приносила с собой копченые крылышки собственного приготовления. «Тёма смеялся: у тебя борща нет?»

«Однажды мы поссорились. У него такое лицо сделалось потерянное, как будто небо рухнуло. «Вся жизнь, — говорит, — наперекосяк, я не знаю, кому верить». Тогда я решила, что больше никогда ругаться не будем», — твердо говорит девушка.

У пары есть семейная традиция. «Минутка танца, — смеется Света. — Когда Артем приходит с работы, мы с детьми выскакиваем в прихожую и все вместе отплясываем. Он говорит: посмотрел бы кто-нибудь на нас, сказал бы — чокнутые. На самом деле мы рады друг другу».

«Стоял на тумбочке, мыл полы, убирался в парке»

Светлана настояла, чтобы Артем пошел в армию, ведь для официального трудоустройства нужен военный билет. 24-летнего Кузьмина призвали в апреле 2021 года. Он попал в мотострелковые войска. В телефонных разговорах молодой человек повторял, что хочет «быстрее отслужить и свалить». Что происходит в части, не рассказывал, но часто просил выслать деньги.

О создании новой военной базы в Белгородской области в 2015 году сообщало агентство Reuters со ссылкой на документы госзакупок. Как указано в конкурсной документации, на строительство было выделено 3,3 миллиарда рублей. Контракт выиграла компания «Мегалайн». Она обязалась построить военный городок на площади 300 гектаров на 3,5 тысячи солдат. Проект предусматривал возведение девяти казарм, госпиталя, жилого комплекса, катка, тренировочного полигона и т.д.

В 2016 году ГТРК «Белгород» рапортовала о том, как солдаты заселяют «военный городок будущего».

На форумах матери призывников оставили много отрицательных отзывов о бытовых условиях в части. По словам родителей, в казармах холодно и сыро, солдаты часто болеют. Матери жаловались на регулярные поборы «на нужды части».

В 2018 году 36-летний офицер-контрактник части Алексей Золотарев записал видеообращение к президенту Владимиру Путину с жалобой на принуждение к участию в коррупционных схемах. В феврале 2020 года в лесу около базы было обнаружено тело 19-летнего контрактника Максима Щербака.

Осенью 2021 года часть, в которой служит Кузьмин, отправили на учения в Нижегородскую область. Светлана поехала туда вместе с сыном. «В Мулино захожу с Артемом в магазин, говорю: бери что хочешь — трусы, носки, мыльно-рыльное! Он отнекивается: куда мне все это, мы в палатках живем, даже тумбочки нет. Старшина сказал, что рота в шоке, на его памяти еще ни к кому жена в поля не приезжала».

В ноябре Артем рассказал по телефону, что повредил спину на каком-то строительстве. «Я написала в Минобороны, в прокуратуру, президенту. Не прошло и трех дней, как Артема положили в госпиталь. Сделали операцию. Продержали 21 день, но почему-то не комиссовали».

Артем рассказывал жене, что в армии в основном занимается хозяйственными работами. «Стоит на тумбочке, полы моет, приводит в порядок парк — бычки собирает. Я шутила: если что начнется, бычками будешь кидаться?» — вспоминает Света и перестает улыбаться.

«Не знаю, позвоню ли еще»

Артем позвонил жене в ночь с 23 на 24 февраля. «Сказал: «Первый батальон уже ушел, второй отправляется, мы — следующие. Телефоны забирают. Не знаю, позвоню ли еще». Что я почувствовала? Вообще ничего. Первые трое суток выпали из жизни. На антидепрессантах, как робот. С утра мелкого — в сад, старшую — в школу. Надо на заказ ехать, а я не могу успокоиться, с ума схожу, забываю чистящие средства».

13 марта Артем позвонил с телефона товарища. Предупредил, что связь очень дорогая, долго говорить нельзя: «У меня ровно минута. Скажу одно: забирай меня отсюда. Здесь — кошмар».

На днях на карту мужа неожиданно пришли 29 тысяч рублей. Светлана не смогла выяснить в банке, что это за деньги. Она опасается, что мужа както убедили заключить контракт. «По телефону Артем поклялся, что ничего не подписывал. Сказал, что его паспорт и военный билет остались в части (*запись разговора имеется в распоряжении редакции.* — **Н. А.**), — говорит собеседница. — Он никогда не хотел оставаться в армии».

Добиваясь возвращения мужа в Россию, Светлана звонила в белгородскую прокуратуру и в Минобороны. Поняв, что от телефонных разговоров толку нет, поехала в Москву. «Подала заявление в Главную военную прокуратуру. Бросила письмо в ящик на проходной Госдумы. Пришла в Генеральную прокуратуру, но там сказали, что я не по адресу».

Надежда АНДРЕЕВА,
соб. корр. «Новой»,
Саратов

> НА ДНЯХ НА КАРТУ МУЖА НЕОЖИДАННО ПРИШЛИ 29 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ. СВЕТЛАНА ОПАСАЕТСЯ, ЧТО СУПРУГА КАК-ТО УБЕДИЛИ ЗАКЛЮЧИТЬ КОНТРАКТ

> АРТЕМ ПОЗВОНИЛ ЖЕНЕ В НОЧЬ С 23 НА 24 ФЕВРАЛЯ: «ПЕРВЫЙ БАТАЛЬОН УЖЕ УШЕЛ, ВТОРОЙ ОТПРАВЛЯЕТСЯ, МЫ — СЛЕДУЮЩИЕ»

тяжкое время

Кирилл МАРТЫНОВ
«Новая»

МЫ ВЕРНЕМСЯ

Россия на пути от айфона к смертной казни и назад

Дмитрий Анатольевич Медведев, бывший президент России, а ныне зампред Совета безопасности, нашел себе новое хобби: это смертная казнь. В течение месяца «спецоперации» Медведев дважды делал заявления о том, что выход России из Совета Европы обернется многочисленными плюсами, в частности, российским властям больше не нужно соблюдать обязательства, связанные с европейскими конвенциями о правах человека, а «обвиняемых в особо тяжких преступлениях» можно будет лишать жизни.

Идея вообще пользуется популярностью у чиновников, которым больше нечего предложить своему народу. Вместо будущего экономического развития и жизни в современном мире в социальном пакете россиянина новейшей эпохи осталось лишь предложение «сплотиться» и заодно высвободить те инстинкты, которые так долго сдерживались «чуждыми нам ценностями». Юристы говорят, что отменить мораторий на смертную казнь не так просто, но, во-первых, кого в России эпохи «спецоперации» волнуют правовые формальности, а во-вторых, есть блестящая идея вынести вопрос о смертной казни на референдум, чтобы связать кровью всех. Такой референдум, очевидно, должен проходить в формате дистанционно-электронного голосования, чтобы люди лишний раз не собирались и не обсуждали происходящее, а также, конечно же, во имя соблюдения санитарно-эпидемиологических норм.

Четырнадцать лет назад Дмитрий Медведев пришел в российскую политику как сторонник умеренного прогресса в рамках законности. Он активно раздавал интервью «Новой газете» и только что созданному «Дождю»*, интересовался всем современным, например блогами, айфонами, проводил встречи с руководителями западных IT-корпораций, в том числе с Марком Цукербергом, который сегодня считается в России руководителем экстремистской организации Meta. Навсегда «отлиты в граните» слова Медведева тех дней: «Свобода лучше, чем несвобода». Впрочем, тот же оратор позднее подарил нам еще одну мудрость: «Никто никогда не вернется в 2007 год», — значение которой стало понятно только теперь.

Путь от айфона к смертной казни способен пройти не каждый. Но вряд ли можно списать это путешествие исключительно на особенности личности Дмитрия Медведева. Новые времена требуют новых компетенций и новых форм демонстрации лояльности. Если прежде для успешной политической карьеры нужно было разрабатывать Стратегию-2020, согласно которой средняя заработная плата россиян должна была составлять «не менее 2700 долларов» (275 тысяч рублей по текущему курсу), то теперь учет достижений идет в танковых колоннах и общей свирепости.

Чиновники, у которых еще нет личного танка как импортозамещения для яхты, вооружась небольшими топориками, соревнуются в риторической жестокости — других способов проявить себя и отличиться в глазах вышестоящего руководства, кажется, не осталось.

Дмитрий Песков в интервью CNN говорит о возможном использовании ядерного оружия в случае «экзистенциальной угрозы для России».

Дмитрий Рогозин поделился своими взглядами о загадочном биооружии, якобы разрабатываемом в Украине: его задача, по словам главы Роскосмоса, состоит в том, чтобы «ослабить иммунитет нации и нарушить репродуктивные функции россиянок» (кстати, это почти дословная цитата из классического фильма Стэнли Кубрика «Доктор Стрэйнджлав, или Как я перестал волноваться и полюбил ядерную бомбу»).

Суды штрафуют людей за лозунг «Фашизм не пройдет».

Генеральный прокурор Игорь Краснов заявил о выходе из Международной ассоциации прокуроров.

Депутаты Андрей Луговой и Ярослав Нилов предложили отправлять протестующих в Донбасс для участия в «спецоперации».

Кто-то разрабатывает закон об ограничении выезда айтишников из страны, составляются многочисленные списки «национал-предателей», о которых говорил президент Путин, польский мемориал в Катыни предложено ликвидировать.

Депутат Мосгордумы от КПРФ Сергей Савостьянов предложил «денацифицировать» Казахстан, Молдову, Польшу, Литву, Латвию и Эстонию.

Но пока никто из депутатов и чиновников еще не придумал, как провести спецоперацию по дебудущизации населения. Граждане России вряд ли перестанут мечтать. Мечтать на руинах России, которую когда-то провозглашал в своих интервью президент Медведев, можно будет только о возвращении к нормальной жизни. Такой, где судьбы людей не становятся заложницами так называемой геополитики, где дети получают образование, а не пропаганду, а честно работающим на благо страны гражданам не предлагают выбор между тюрьмой и эмиграцией в случае их несогласия с действиями властей.

Поэтому мечты россиян будут связаны с возвращением в Европу, с которой чиновники нового типа, конкурирующие друг с другом в том, кто лучше годится на роль выносящего не подлежащие обжалованию приговоры, так быстро разорвали сегодня связь. Путь домой, назад от смертной казни к современному миру, станет очень трудным испытанием для соотечественников.

Мы вернемся.

**Телеканал «Дождь» внесен в реестр СМИ-иноагентов и принял решение прекратить вещание.*

Востоковед, китаист Михаил КАРПОВ — о перспективах большой российско-китайской дружбы

«КОГДА РОССИЯ ЗАЯВИЛА О «ПОВОРОТЕ НА ВОСТОК», КИТАЙ НАЧАЛ ДИСТАНЦИРОВАТЬСЯ»

— Как воспринимают сейчас Россию в Китае? Как партнера в конкуренции с Западом, как добычу, как конкурента? Или, может быть, это партнерство, которое теперь стало обузой?

— Сейчас в российском информационном пространстве довольно много мифов о Китае, причем не только в пропагандистском, но и в аналитическом. Приходится прорываться через определенные ментальные препятствия, какие-то представления, ложные или близкие к ложным. Начал бы я с того, что Китай все-таки воспринимает Россию как европейскую страну. И это нужно понимать. В картине мира Китая Россия — не часть Азии, не часть Евразии, это европейская страна. Китайцы, разумеется, понимают, что она отличается от «Дальнего Запада», это не англосаксонская, не галльская, не иберийская страна, но — европейская. Китай не рассматривает Россию как «свою». И опасается сближения России с Западом с какими-то антикитайскими коннотациями. Вот это самый страшный nightmare — ночной кошмар — Китая.

— Похоже, что уже могут не бояться.

— Я тоже не думаю, что это реализуется, но опасения такие у китайцев есть. И это — первое. Второе: геополитически и геоэкономически у Китая позиция по отношению к России очень сложная. Китайско-российский товарооборот последние лет пять колеблется на уровне примерно 95–110 миллиардов долларов в год. Китайско-американская торговля — это почти триллион долларов, китайско-европейская — почти 800–900 миллиардов, из них 30% — только с одной Германией. Понятно, что цифры не в пользу России. По этой причине с 2014 года Китай поддерживал практически все финансовые санкции в отношении России, опасаясь попасть под вторичные санкции, то есть заботясь о собственных интересах. И сейчас я не вижу здесь каких-то изменений.

— В 2014 году Китай давал России большие кредиты на погашение валютных обязательств. Иначе говоря — после введения санкций он как раз помогал.

— Он и сейчас будет, я думаю, это делать. Но в чем заключается эта помощь? Это связанные кредиты в юанях, это китайский ширпотреб, это, возможно, и какие-то иные моменты, но такая помощь не будет сопровождаться какой-то глубинной стратегической интеграцией. Китай никогда таких планов и не имел. С 1996 года, с фундаментальной, исторической встречи Цзян Цзэминя и Бориса Ельцина и подписания Шанхайской декларации в апреле 1996 года вся политика Китая в отношении России была достаточно последовательной и сводилась к тому, чтобы не пугать Россию, не отталкивать ее в объятья Дальнего Запада.

Я всегда говорил и сейчас говорю: не было никогда экспансии Китая в Сибирь, не было экспансии Китая в Россию. Ни демографической, ни какой-то другой. Были взаимодействия, но со стороны Китая никакого покушения на то, чтобы глубоко зайти в Россию, не было.

— Когда появилась новость, что Россия якобы запросила у Китая военную помощь, Пентагон ему сразу стал грозить — и все объявили, что не было такого. А на самом деле?

— Это опровергли и Россия, и Китай. И я не представляю себе серьезной военной помощи России со стороны Китая, это практически невозможно, никто этого не будет делать.

— А если Россия пообещает Китаю в обмен что-нибудь очень соблазнительное? Какие-нибудь активы?

— Это в рамках все того же распространенного мифа, будто Китай спит и видит, как бы поглубже зайти в Россию и якобы у нее есть какие-то такие активы — лакомые кусочки для Китая, ради которых он готов поссориться со Штатами. На самом деле никаких серьезных активов, которые Китай мог бы получить, у России нет. То есть, конечно, активы-то есть, но Китай их никогда не получит. Сырье он и так получает. Интересны ему могут быть активы, связанные с военно-промышленным комплексом, с технологическими разработками, которые у России есть, и неплохие; другой вопрос — как они реализуются. Но Россия никогда их ему не отдаст. И у Китая просто нет рычагов для их получения.

В 2015 году, после первого транша секторальных санкций, возникал разговор о том, что Китай зайдет в российские сырьевые холдинги, Россия предложила ему контрольные пакеты в ряде компаний. Но Китай этим совершенно не заинтересовался. Так что о желании Китая войти глубоко в Россию забудьте, он не будет этого делать.

— Почему?

— Хотя бы потому, что Китай не рассматривает Россию как потенциально стабильного и надежного партнера. И его можно понять, со своей позиции китайцы совершенно правы. Сначала — распад СССР, которого никто не ждал, потом резкое сближение России с Западом, потом резкое расхождение, ранний Путин — опять сближение. То есть в течение последних 30 лет вся история России — это шараханья, причем инициировала эти шараханья всегда Россия. Неизвестно, куда она шарахнется через полгода, через два года.

Кстати, с 2000-го по 2014-й Путин проводил абсолютно здравую политику в отношении Китая. Он выдерживал именно политику стратегического сотрудничества, которая была заложена в 1996 году Борисом Ельциным и Цзин Цзэминем, Владимир Владимирович ни на йоту от нее не отходил в течение 14 лет. Если говорить о его политике в отношении Китая, то в этот период она была абсолютно верной: где у нас были общие интересы — там мы сотрудничали, где не было — не мешали друг другу. Это идеальное состояние российско-китайских отношений. Но из него мы начали, к сожалению, уходить в 2014 году в связи с участием России в украинском кризисе в тех формах, какие приняло это участие.

— Как раз в 2014 году, после того как Запад ввел санкции, у нас заговорили о «повороте на Восток», Россия особенно сильно устремилась к Китаю.

— Да, Россия заявила о «повороте на Восток» как о формировании более близких, почти союзнических отношений с Китаем. Но китайцам это совершенно не нужно. Китай начал от этого дистанцироваться. Не де-юре, но де-факто Россия оказалась триггером в том смысле, что именно она начала выводить российско-китайские отношения из формата партнерства образца 1996 года в формат более близкого взаимодействия.

> «КИТАЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ЗНАЛ О ТОМ, ЧТО ГОТОВИЛОСЬ. ОН УДИВЛЕН ТЕМ, КАК ЭТО ВСЕ РАЗВИВАЕТСЯ, И ЕМУ ОЧЕНЬ НЕКОМФОРТНО

— То есть Россия своими слишком активными объятиями усложнила отношения со сдержанным Китаем?

— Попытками объятий. Но это сложный процесс. До 2014 года у Владимира Путина было вполне здравое понимание, что такое Китай, что он может, чего не может. Свидетельство тому — многие его заявления с 2000 по 2014 год. И я не верю, что в 2014 году российское руководство реально хотело заключить такой формальный союз с Китаем.

— Они так говорили.

— На уровне заявлений — да. На уровне реальной политики, я думаю, здесь была попытка выйти из формата стратегического партнерства и нащупать форматы более близкого взаимодействия, но насчет союзничества — не уверен. На более близкое партнерство не пошел Китай.

— Но все-таки и жертвовать отношениями с Россией Китай не хочет.

— Он не собирается жертвовать отношениями с Россией, но умирать за них явно не хочет. Он ходит между струйками. Он сделал много заявлений, которые об этом свидетельствуют.

— Экономисты в один голос говорят, что Китай заинтересован в ослаблении России, что сейчас он дождался своего часа, получит от России что угодно по дешевке и в конкуренции со Штатами тоже выиграет.

— У меня нет задачи разрушить чью-то картину мира, через нее очень трудно пробиваться. Конечно, правы те, кто говорит, что эти трения между Западом и Россией выгодны Китаю. Но — вопрос в масштабе трений. Начиная с 2007 года и до 2014-го, когда трения между Россией и Штатами нарастали, это было Китаю действительно выгодно, потому что здесь можно было очень здорово сидеть на двух стульях, это было выгодно и экономически, и политически, и репутационно. А вот начиная с 2014-го, а особенно с 24 февраля 2022-го, конфликт, мягко говоря, между Россией и Западом принял такие формы, такую глубину и потенциально такие последствия, что это уже Китаю невыгодно стратегически.

— Стулья раздвинулись так, что сидеть на обоих невозможно, упадешь?

— Можно и так сказать. Но я бы сказал иначе: трения между Россией и Западом выгодны Китаю, но в конкретных пределах. Сейчас трения переросли в конфронтацию, а этого Китай совершенно не хочет. От него теперь требуется сделать какой-то выбор, а он этого выбора сделать не может. В этом его драма.

— Китай поможет смягчить давление санкций на Россию или подставит подножку, почувствовав слабость партнера?

— Я думаю, в какой-то степени поможет, тут есть много вариантов. В какой-то степени помощью станет китайский ширпотреб, предоставление кредитов в юанях на его покупку, какая-то, может быть, компьютерная техника. Будет, возможно, расширение квот в торговле без доллара. Китай принципиально не может согласиться на эмбарго российских энергоносителей, он, я думаю, будет продолжать покупать российские нефть и газ. Хотя вряд ли его помощь можно будет рассматривать как оперативно-стратегическую. Думаю, Китай будет делать политические заявления, что он понимает российскую политику. Он не солидаризируется с ней, он не делал этого ни разу, но его семантический лейтмотив в том, что он понимает российскую озабоченность по поводу расширения НАТО. При этом он говорит, что <«спецоперация»> — это нехорошо.

Китай не будет пытаться обрушить российскую политическую конструкцию. Но если российская политико-экономическая конструкция будет рушиться сама, то Китай ее и поддерживать не будет. Во-первых, это не тот актив, за получение которого Китай готов лечь и умереть. Во-вторых — из опасений перед американскими санкциями. Возможно, китайцы будут давать России кредиты в юанях, они, вероятно, будут покупать российские нефть и газ по низким ценам, они даже могут представить еще какую-то дополнительную адресную помощь. Но я не ожидаю от Китая никакой инвестиционной экспансии в России. И каких-то приобретений российских активов не ожидаю.

— Россия еще до введения санкций перевела часть своих резервов в юани. Означает ли это, что Китай может хотя бы частично заместить нам Запад в банковской сфере?

— Нет, серьезного взаимодействия здесь я тоже не ожидаю. Во-первых, Китай сильно зависит от американского доллара: это один из ключевых инструментов внутренней китайской экономической политики, ее регулирования. Второе: юань — неконвертируемая валюта, поэтому Китай критически зависит от объемов конвертации юаней в доллары на международном рынке. Если он позволит России конвертировать в доллары то, что у нее лежит в юанях, то США могут ввести для Китая лимиты на конвертацию юаней в доллары на мировом рынке. Для Китая это было бы терминальными санкциями, он на это никогда не пойдет.

На самом деле китайцы уже начали потихоньку уводить из России какие-то банки. Китайский международный банк инфраструктурных инвестиций начал уходить, например, другие банки сокращают свою долю в России. Технически Китаю совсем не сложно придерживаться санкций в этой сфере. Потому что китайские банки тотально государственные, в условиях регулируемой процентной ставки, регулированного курса юаня они просто не занимаются кредитованием иностранных банков. Китайские банки не будут заниматься ритейл-кредитованием российских банков. Если будет политическая отмашка, то что-то, может быть, и дадут, но отмашка будет в любом случае небольшая. Всё — между струйками.

— Китай уже расширил коридор юаня к рублю, то есть уже не по-дружески себя повел. Это исключительно экономическая мера или они что-то хотят сказать нам в смысле политики?

— В любой экономической мере есть политика, в любой политической — экономика. Но это, с моей точки зрения, вызвано тем, что рубль действительно падает, к этому нужно подстраиваться. Расширить коридор — это естественная мера. Конечно, если бы они этого не сделали, они бы глобально помогли рублю. Но тогда они бы не помогли юаню. Они исходят из своих интересов, защищают стабильность своей курсовой политики.

— Мне пришлось один раз общаться с китайцем, и он обронил такую фразу: «…при таких дружеских отношениях между нашими странами». Я правильно понимаю, что в китайских СМИ рассказывают, что русский с китайцем «братья навек»?

— Причем в течение многих лет. И у нас есть телевидение, которое много о чем вещает.

— У китайской компартии в этом году должен пройти 20-й съезд, на котором Си рассчитывает избраться на новый срок.

— Да-да, на третий неконституционный срок.

— Вот в этом смысле ему выгодно сейчас демонстрировать дружбу с США или с Россией?

— Что нужно сейчас Си Цзиньпину — это абсолютная стабильность в этом году, потому что у них и экономически все сложно из-за ковида, у них и со Штатами экономические отношения сложные. А Си — не в полной мере консенсусный лидер внутри страны, ему есть серьезная внутриэлитная оппозиция, это было особенно заметно в прошлом году. По моим оценкам, в конце прошлого года они все-таки пришли к договоренности, что пусть будет Си. То есть ему особенно нужна стабильность, а не такая драматичная международная ситуация, когда приходится делать какой-то выбор.

— И вдобавок могут возникнуть неприятные сравнения с ситуацией между Китаем и Тайванем.

— Я слышал такую версию, что, дескать, речь идет о каком-то «размене» между Китаем и Россией... Послушайте, с моей точки зрения, тайваньской проблемы здесь нет. Китайцы прекрасно понимают, что взять Тайвань — это не пустяковое дело. Тайвань будет сопротивляться. Даже при современных средствах вооружений Тайвань в силу многих географических и природных особенностей — это сложный орешек. И я с трудом могу себе представить, что Си Цзиньпину нужна такая победа, что он мог бы сейчас взять и пойти на такое.

— Но китайский военный корабль как раз во время российской «спецоперации» демонстративно прогулялся вдоль берегов Тайваня.

— Они постоянно пускают военные корабли прогуляться, они пускают прогуляться военные самолеты. Это у китайцев национальный вид спорта: они периодически там прогуливаются.

— Напоминают Тайваню, что мы, мол, рядом?

— Да, они напоминают. Я два с половиной года работал на Тайване и хорошо себе все это представляю. Может быть, сейчас решили прогуляться чуть посильнее, потому что определенные аллюзии с Украиной тут, конечно, есть. Но при этом Китай очень четко заявил: конфликт между Россией и Украиной — межгосударственный, а между Пекином и Тайбэем — внутригосударственный. Так что прямых аналогий здесь быть не может. Си Цзиньпин не раз говорил, что вооруженный конфликт между странами недопустим.

— Перед началом «спецоперации» ходила версия, будто президент Путин согласовывал с товарищем Си ее начало…

— Это бред сивой кобылы.

— И будто бы Си обещали, что все произойдет быстро и безболезненно.

— Еще раз: бред сивой кобылы. Китайцы на самом деле ничего не знали. Здесь я могу сослаться даже на мнение нашего «противника», директора ЦРУ Джозефа Бёрнса — бывшего посла США в России и очень квалифицированного дипломата: недели две назад он говорил, что китайцы не ожидали такого поворота, поэтому теперь не испытывают большого удовольствия от происходящего. Свою оценку Бёрнс высказал на открытой части слушаний в конгрессе, но в общем контексте все говорило о том, что Китай действительно не знал о том, что готовилось. Что он удивлен тем, как это все развивается, и ему очень теперь некомфортно.

— Так ведь и говорят, что Китай недоволен именно тем, как все происходит и *как* выглядит его стратегический партнер.

— Я занимаюсь Китаем 27 лет, причем десять — эмпирически, и на основе своего опыта я склоняюсь все-таки к тому, что Китай не знал о планах Путина. Когда все это началось, у китайцев действительно могли быть надежды, что все быстро и завершится. Но когда это приобрело нынешние формы, китайцы оказались недовольны однозначно.

— Может ли Китай как-то повлиять на прекращение российской «спецоперации»? И станет ли он это делать?

— Я не вижу таких рычагов, у Китая их просто нет.

— Но у них же есть возможность в чем-то России больше помочь, а в чем-то — поменьше. Почему бы им не выставить условия?

— Вы считаете, кто-то сейчас может повлиять на российское руководство? Я бы не хотел даже обсуждать эту тему. Если уж говорить о влиянии, то у американцев здесь гораздо больше инструментов.

— Зато у китайцев есть кровный интерес прекратить это, потому что он несет из-за «спецоперации» прямые убытки. Останавливаются перевозки на его Новом шелковом пути, например.

— У всех есть кровный интерес это смягчить. Но как? Вот как?! Китай сидит на двух стульях, а это позиция, из которой трудно выйти. Отвернуться совсем от России он не может, потому что Россия ему все-таки тоже важна. Он не заинтересован в коллапсе российской конструкции.

— Кто в ком больше заинтересован — Китай в России или Россия в Китае?

— Думаю, все-таки Россия более заинтересована в Китае. Но это отдельный, очень долгий и сложный вопрос.

— Так это самый главный вопрос, от него и зависят позиции обеих стран в этих отношениях.

— При этом китайско-американские отношения тоже очень проблемные. Китай хочет использовать Россию, чтобы она «оттягивала огонь» на себя в отношениях со Штатами. Крушение России означало бы для него победу Запада. Но и поддерживать Россию в том, что она делает сейчас, Китай тоже не может.

— Будет ли Китай помогать Украине?

— Думаю, да, и возможности у него для этого есть. Они уже, собственно, начали говорить, что помогут Украине восстанавливаться. Они будут делать это умеренно, но все-таки будут. В контексте наведения каких-то дополнительных мостков в Европу, в контексте своего Шелкового пути в Восточную Европу. Хотя тут все будет зависеть от ситуации на фронте, от ситуации с мирными соглашениями, от ситуации внутри России.

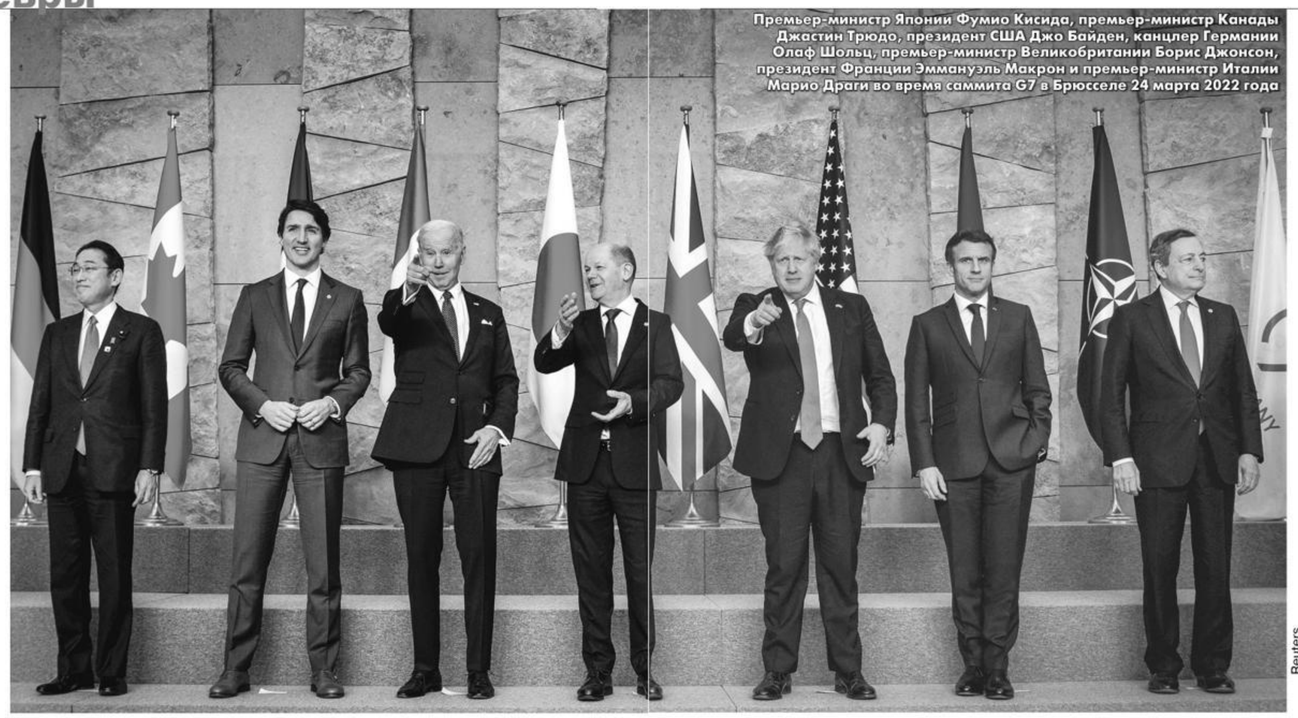
Ирина ТУМАКОВА,
спец. корр. «Новой»

Qilai SHEN / Bloomberg / Getty Images

МЕГАСАММИТ

Военная «спецоперация» России в Украине породила в Европе и мире кризис, какого не знали после Второй мировой войны: военный, политический, гуманитарный, энергетический и, вероятно, продовольственный. В Брюсселе 24 и 25 марта состоялся международный саммит, тоже беспрецедентный. Собрались первые лица всего, как у нас принято называть, «условного Запада»: Европейского союза, НАТО, «Большой семерки» (G7). Главы государств и правительств трех с половиной десятков стран.

Премьер-министр Японии Фумио Кисида, премьер-министр Канады Джастин Трюдо, президент США Джо Байден, канцлер Германии Олаф Шольц, премьер-министр Великобритании Борис Джонсон, президент Франции Эммануэль Макрон и премьер-министр Италии Марио Драги во время саммита G7 в Брюсселе 24 марта 2022 года

Reuters

Дальнейшая консолидация стран Запада против Кремля. Что было на европейских встречах НАТО и G7

На нескольких площадках сразу

С утра четверга заседали в штаб-квартире НАТО рядом с брюссельским аэропортом. Кроме лидеров стран — членов блока участвовали бюрократы ЕС, а также главы пока нейтральных Финляндии и Швеции. Там же прошел саммит G7, на котором к коллегам из Америки и Европы (Джо Байдену, Борису Джонсону, Олафу Шольцу, Эмманюэлю Макрону, Марио Драги, Джастину Трюдо) присоединился японский премьер Фумио Кисида.

Дискуссии за закрытыми дверями и в кулуарах, итоговые документы, пресс-конференции и подходы к прессе. Смешения жанров, стирание институциональных границ в едином порыве против Кремля.

К вечеру все переместились на площадь Шумана, в штаб-квартиру ЕС. Там лидеры стран ЕС совещались и целый день пятницы. Впервые в качестве гостя там был президент США. В саммите НАТО и в заседании Европейского совета дистанционно участвовал Владимир Зеленский. Эмоционально, иногда с упреком и вызовом.

Глава сражающейся Украины стал бесспорным героем в глазах международного сообщества, во всяком случае, того, что олицетворяет западный мир. В той же среде президент России предстает в образе вселенского «плохого парня».

Джо Байден был инициатором мегасаммита. Как он признался на пресс-конференции в НАТО, две недели назад позвонил в Брюссель и предложил генсеку Йенсу Столтенбергу собрать лидеров стран альянса, чтобы подвести итоги месяца кризиса, не ослаблять поддержку Украины и давление на Россию. Визитом в Брюссель главы Белого дома воспользовались председатель Евросовета Шарль Мишель и действующий председатель «семерки» Олаф Шольц.

На коллективных саммитах обычно не принимают решений, обсуждают проблемы и идеи, нащупывают компромиссы, убеждают колеблющихся, задают политический тон. Решения потом готовят министры, а вырабатывают и принимают специально обученные люди. На этот раз лидеры стран ЕС, просидев в зале заседаний в пятницу почти до полуночи, так и не договорились до общего решения о снижении цен на энергоносители, оставив до мая несколько вариантов для обсуждения.

В итоговых документах всех трех форматов встреч есть общие формулировки, определения, требования. «Спецоперация» России в Украине названа «агрессией» и «самой серьезной угрозой евроатлантической безопасности за последние десятилетия». Она, по словам участников, нарушила мир в Европе и причиняет огромные человеческие страдания и разрушения.

НАТО, ЕС и «семерка» осудили военные действия России в Украине, призвали Владимира Путина немедленно прекратить их и вывести войска из суверенной страны. Все они осуждают действия России на чужой территории, которые причиняют гибель и страдания мирным жителям. Они призывают Россию обеспечить быстрый, безопасный и беспрепятственный доступ гуманитарных организаций, проход для гражданских лиц, а также доставку гуманитарной помощи в Мариуполь и другие блокадные города Украины.

Все они обещали работать с остальным международным сообществом, чтобы привлечь к ответственности виновных в нарушениях гуманитарного и международного права, включая военные преступления. Лидеры ЕС и США приветствовали начало международных расследований, в том числе, прокурором Международного уголовного суда (МУС), и продолжающийся сбор доказательств преступлений.

НАТО сосредоточивается на военной стороне кризиса, европейской и глобальной безопасности, ЕС — на соблюдении экономических санкций, проблеме беженцев и энергетике, «семерка» — на глобальных политических и экономических аспектах.

НАТО: Украину поддерживать, безопасность укреплять, но в военные действия не ввязываться

На саммите НАТО, сообщил журналистам генсек Столтенберг, лидеры блока договорились оказывать дальнейшую поддержку Украине, продолжать делать все, чтобы Россия понесла беспрецедентные издержки от своей военной операции.

Саммит утвердил создание четырех новых ударных групп НАТО в Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии. Они дополняют четыре существующие ударные группы в странах Балтии и Польше. Таким образом, сейчас развернуты восемь многонациональных боевых групп НАТО на линии от Балтийского моря до Черного.

В Европе после многократного сокращения к началу 2000-х годов численность войск США вновь стала расти после 2014 года, а с нынешней (...) [слово, запрещенное российской властью] этот рост и вовсе ускорился. Сейчас на континенте сто тысяч военнослужащих США. Европейские члены НАТО и Канада также наращивают свои силы под прямым командованием НАТО: сейчас это 40 000 военнослужащих, в основном на восточном фланге альянса. Включая пять авианосных групп, от Арктики до Средиземного моря.

Лидеры стран НАТО договорились перенастроить систему сдерживания и обороны на долгосрочную перспективу. У НАТО будет значительно больше сил на восточном фланге, находящихся в высокой степени готовности, заявили они. И больше заблаговременно развернутой техники. Решение о деталях будет принято на саммите НАТО в Мадриде в июне вместе с новой стратегической концепцией.

Лидеры НАТО подтвердили политику «открытых дверей». Расширение альянса, прием в него бывших членов «советского блока» они назвали историческим успехом, распространением демократии, свободы и процветания по Европе.

Таким образом, «спецоперация» в Украине не помогла заявленным целям обеспечения безопасности России, которые Кремль поставил в декабрьском ультиматуме членам НАТО. Военная инфраструктура альянса не только не возвращается к состоянию 1997 года, но и значительно усиливается на восточном фланге даже по сравнению с «послекрымскими» годами. Москва не только не добилась гарантий нерасширения НАТО, а, наоборот, заставила всерьез задуматься о вступлении в блок традиционно нейтральных соседей — Финляндию и Швецию. Действия России сплотили НАТО, укрепили трансатлантическую связь между европейскими и североамериканскими членами альянса, а ложь при подготовке к операции (заверяли, что «не нападем») подорвала доверие к российской стороне по любым вопросам международной безопасности.

Лидеры стран НАТО договорились оказывать дальнейшую поддержку Украине. Ее право на самооборону, подчеркнули они, закреплено в Уставе ООН. Натовские страны продолжат предоставлять Киеву оружие, передовые системы ПВО, противотанковые и другие средства, включая беспилотники. На этот раз помимо прочего вооружения они решили предоставить оборудование для защиты от биологических, химических, радиологических и ядерных угроз.

«Спецоперация» президента Путина в Украине «изменила нашу среду безопасности в долгосрочной перспективе. Это новая реальность. Это новая норма, и НАТО реагирует на нее в долгосрочной перспективе», — заявил на пресс-конференции генсек Столтенберг.

В то же время альянс подтвердил, что не собирается непосредственно участвовать в боевых действиях в Украине, закрывать небо над ней и посылать туда натовские войска. Об этом в один голос заявили журналистам на пресс-конференциях и Столтенберг, и Байден, и Джонсон, и Макрон. Страны НАТО «несут ответственность за то, чтобы этот конфликт не превратился в полноценную войну между НАТО и Россией», в которую будут вовлечены не только Украина и Россия и которая «была бы гораздо более опасной и разрушительной».

> НИКАКИХ НОВЫХ САНКЦИЙ ПРОТИВ РОССИИ ЗАПАД НЕ ОБСУЖДАЛ. УЧАСТНИКИ «МЕГАСАММИТА» СОСРЕДОТОЧИЛИСЬ НА УСТРАНЕНИИ ПУТЕЙ ИХ ОБХОДА

Трагедия беженцев

Никаких новых санкций против России Запад не обсуждал. Во-первых, санкционная война, как и классическая, наносит ущерб обеим сторонам, и как бы ни были страны Запада богаты по сравнению с Россией, их выносливость не беспредельна. Во-вторых, в глобализованном мире трудно обеспечить безупречность действия санкций. Появляются «дыры», за которыми трудно уследить. Участники «мегасаммита» сосредоточились на устранении путей обхода санкций.

Особенно острая проблема в связи с военными действиями России на территории Украины — это проблема беженцев. Таких масштабов массового исхода Европа не знала со времени Второй мировой войны. Бегство украинцев от «спецоперации» — это уже крупнейшая гуманитарная катастрофа. Бегут в обе стороны, но поток в Россию представляется ручейком по сравнению с цунами на Запад.

Прежде чем раскачались высокие инстанции, миграционный вызов приняли на себя низовые. Движение в поддержку украинских беженцев организовано на нескольких уровнях: на национальном, региональном и местном (обустройство, бюджетная поддержка семей, которые размещают беженцев у себя дома). Сбор пожертвований организован самыми разными группами (например, я получил в Брюсселе по почте письмо с незаполненной платежкой от НКО «Авиация без границ»). На кассах супермаркета вас спрашивают, не желаете ли пожертвовать Украине, и включают эти деньги в чек (сбором занимаются местные НКО). В каждом городке организованы сборные пункты, куда люди несут одежду, продукты.

Глава Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен объявила на брюссельском саммите, что Украину в западную сторону покинули за четыре недели около трех с половиной миллионов человек. Половина из них дети. И цифры растут с каждым днем. На этой неделе Евросоюз выделил на цели поддержки беженцев (заложенные в его нормальном бюджете) дополнительно 3,4 миллиарда евро и обещает еще больше. Помощь пойдет государствам ЕС, которые принимают больше беженцев. Союзная директива о временной защите предлагает им быструю помощь и правовой статус. Помимо помощи на границе, приема и гражданской защиты она обеспечивает бенефициарам доступ к образованию, здравоохранению, временному жилью и трудоустройству.

Помощь нужна также жителям Украины, покинувшим свои дома и перемещенным внутри страны. По оценкам, их около шести с половиной миллионов. Проблема в доставке этой помощи в осажденные российскими войсками города.

Байден в Брюсселе объявил, что Соединенные Штаты готовы предоставить гуманитарную помощь более миллиарда долларов украинцам, пострадавшим от военных действий. Многие украинские беженцы захотят остаться в Европе, поближе к своим домам, считает он. Но Вашингтон также готов принять в США 100 тысяч украинцев, в основном по линии воссоединения семей. Польша, Румыния или Германия не должны нести это бремя каждая в одиночку, сказал он. Это международная ответственность. И США «как один из лидеров международного сообщества обязаны участвовать и делать все возможное, чтобы облегчить страдания и боль невинных женщин и детей».

Что касается помощи украинскому правительству на неотложные нужды, а потом — для восстановления демократической Украины, Евросовет постановил создать Трастовый фонд солидарности с Украиной и приглашает к участию своих международных партнеров. А также призывает к скорейшему созыву международной конференции для сбора средств в этот фонд.

Как выходить из кризиса энергоресурсов

Соединенные Штаты и ЕС заявили на саммите о снижении зависимости Европы от российских энергоресурсов. Они создали рабочую группу по европейской энергетической безопасности. США обязались предоставить Евросоюзу в этом году дополнительно не менее 15 млрд кубометров СПГ. Потом США и Европа обеспечат стабильный спрос и предложение на дополнительные минимум 50 млрд кубометров американского СПГ до 2030 года. Сразу это не заменит поставок газа из России, но в переходный период должно помочь.

Но лидеры ЕС не смогли договориться о решении кризиса на энергетическом рынке на ближайшую перспективу. Острота обсуждения усугубилась 12-дневной забастовкой дальнобойщиков в Испании из-за стремительного роста цен на топливо. Вечером в пятницу в разгар дискуссии премьер-министр Испании Педро Санчес в сердцах вышел из зала заседаний. В конце концов, члены Евросовета пришли к компромиссу и оставили ряд вопросов нерешенными.

Военные события в Украине подтолкнули цены на энергоносители к рекордно высокому уровню и побудили ЕС пытаться сократить потребление российского газа на две трети в этом году, покупая его в других местах и стимулируя возобновляемые источники энергии. В то время как государства Средиземноморья настаивали на ограничении оптовых цен на газ для защиты бедных домохозяйств, оппоненты заявили, что это повлечет за собой субсидирование производства ископаемого топлива бюджетными деньгами. Лидеры поручили Еврокомиссии срочно оценить, варианты снижения цены на газ и электроэнергию на короткую перспективу. Испания и Португалия получили разрешение на временные меры по сдерживанию цен.

Пиренейский полуостров долго был энергетическим анклавом в ЕС, потому что имел мало трубопроводных соединений с основной территорией союза.

«Сегодня речь идет о повседневных проблемах людей, а именно о счетах за электричество и газ, — сказал премьер-министр Бельгии Александр де Кроо. — Мы на войне, а на войне нужно принимать чрезвычайные меры».

Ранее 27 государств ЕС договорились о плане совместных закупок газа для сдерживания цен. Еврокомиссия выяснит спрос и предложение газа до следующей зимы, следуя модели, с помощью которой Брюссель закупал вакцины от COVID-19 от имени государств-членов. Не каждое государство в отдельности торгуется, а весь ЕС со своим экономическим весом.

Зависимость Европы от энергоносителей из России означает, что пример США, которые ввели эмбарго на импорт российских нефти и газа, связан для европейцев с большим экономическим риском. Поэтому в пятницу по итогам саммита ЕС решения по этому вопросу принято не было. Германия, Венгрия и Австрия по понятной причине наибольшей зависимости особенно сдержанно отнеслись к варианту введения запрета. Не сложилось также единой позиции ЕС относительно требования России расплачиваться за газ рублями. В частности, Макрон и Драги на своих брифингах назвали это недопустимым, поскольку будет представлять собой нарушение контракта. Ранее это заявлял Шольц. Но некоторые менее категоричны. Перед странами, зависящими от российских энергоносителей, стоит дилемма: либо согласиться, и это укрепит рубль и ослабит действие введенных ими же санкций, либо отказаться, рискуя энергетическим голодом и социальными последствиями.

> ВСЕ, ЧЕГО ДОБИЛАСЬ МОСКВА, ТРЕБУЯ «НЕРАСШИРЕНИЯ НАТО», — ЭТО ЖЕЛАНИЯ ДРУГИХ СТРАН ВОЙТИ В НЕГО

На пороге продовольственного кризиса

На Европейском совете и в G7 долго говорили об угрозе мирового продовольственного кризиса. Россия и Украина — крупнейшие экспортеры зерновых, и (...) [«спецоперация»] неизбежно скажется на странах, которые зависят от импорта продовольствия. В основном из третьего мира. Соединенные Штаты, третий по величине производитель пшеницы в мире, и Канада, которая тоже является крупным производителем зерна, обещали изыскать резервы увеличения экспорта. США и ЕС будут использовать свое влияние, чтобы побудить к этому другие страны со значительным аграрным потенциалом. В свою очередь, американцы призвали европейские и все другие страны отменить торговые ограничения на поставки продуктов питания за границу. В общем, Америка и Европа вплотную работают вместе над смягчением продовольственной проблемы.

И о Китае

«Коллективный Запад» обсуждал в Брюсселе роль Китая в сложном уравнении своего конфликта с Россией в связи с Украиной. Лидеры НАТО призвали Пекин воздержаться от поддержки России в ее действиях против Украины. Китай не должен оказывать экономическую или военную поддержку российскому вторжению, а, напротив, должен использовать свое влияние на Россию и содействовать немедленному мирному урегулированию. Байден признался журналистам, что в своих недавних разговорах с Си Цзиньпином «не угрожал, но ясно дал понять», что экономическое будущее Китая гораздо более тесно связано с Западом, чем с Россией. Аналогичная мысль была выражена лидерами Евросоюза, хотя главный разговор с пекинским руководством им предстоит 1 апреля на очередном саммите ЕС–КНР.

Александр МИНЕЕВ,
соб. корр. «Новой» в Брюсселе

ГАЗ И РУБЛЬ

Что изменит переход к торговле голубым топливом за российскую валюту

Konstantinos TSAKALIDIS / Bloomberg via Getty Images

Дмитрий ПРОКОФЬЕВ
редактор отдела экономики «Новой»

Решение властей о торговле российским газом за рубли некоторые комментаторы поспешили назвать историческим. Но все немного не так, как кажется на первый взгляд.

Объемы и покупатели

Прежде чем разбираться в последствиях перехода к торговле газом «за рубли», надо разобраться, о каких, собственно, суммах идет речь.

Россия — крупнейший в мире экспортер газа: по данным ОПЕК, российский экспорт составляет почти 200 млрд кубометров газа в год, или 16% мирового экспорта. Запасы газа в России, по данным 2020 года, составляют 23,6% мировых запасов. Текущая добыча газа в России находится на историческом максимуме: так, в сентябре 2021-го она составила 61,1 млрд кубометров — рекордно высокий показатель для этого времени года.

Выручка от продажи углеводородов — главный источник дохода от российских внешнеторговых операций. В 2021 году, по оценке платежного баланса ЦБ РФ, на долю энергоносителей пришлось 42% всех поступлений от экспорта ($240,7 млрд из $489,8 млрд). Ставка экспортной пошлины на природный газ составляет 30%. Поэтому при росте экспортных цен «Газпрома» автоматически увеличиваются и поступления в бюджет. По данным Минфина, доля нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2021 году составляла 36% (9 трлн руб. из 25,3 трлн руб.).

Интересно, что доля Китая в российском экспорте газа составляет порядка 5%. При этом газ, идущий в Китай по газопроводу «Сила Сибири», обходится китайским партнерам совсем недорого — около $200 за тысячу кубометров.

Крупнейший покупатель российского газа — Европа, на этот рынок приходится почти 75% экспорта газа из РФ. По данным Международного энергетического агентства (МЭА), в последние 10 лет зависимость Евросоюза и Великобритании от поставок российского газа возросла из-за сокращения собственной добычи и увеличения импорта. Если в 2009 году доля импорта российского газа Евросоюзом и Великобританией составляла 25%, то в 2021-м она выросла до 32%, в том числе Евросоюзом — до 45%. В 2021 году на долю поставок из РФ приходилось 40% общего потребления газа в ЕС.

С осени 2021-го Россия сократила поставки газа в Европу, по данным МЭА, на 25% в IV квартале и на 37% — в первые семь недель 2022-го. Поставки газа в Европу через Украину в этот период уменьшились вдвое. На фоне роста спроса из-за начала отопительного сезона запасы газа в газохранилищах Европы снизились на 28% в сравнении со средним значением за последние 5 лет, а цены на газ выросли до исторически рекордных уровней. Правда, по «биржевым» ценам «Газпром» не продает — поставки оплачиваются по долгосрочным контрактам.

Снижение поставок газа из России на европейский рынок было частично компенсировано поставками природного газа по трубопроводам из Алжира, Азербайджана и Норвегии, а также сжиженного природного газа (СПГ) из США — с октября 2021 года по середину февраля 2022-го поставки СПГ в Европу возросли в 1,6 раза.

«Газпром» и «торговля с иностранцами»

58% продаж российского газа в Европу оплачивается евро, 39% — долларами, до 3% —фунтами стерлингов. Только за месяц с 24 февраля по 24 марта европейские покупатели заплатили российским продавцам порядка 11 миллиардов 691 миллиона евро. В среднем по 2 миллиарда 900 миллионов в неделю. Если бы торговлю газом перевели в рубли прямо в эту минуту, то при неизменных ценах на голубое топливо это означало бы, что до конца 2022 года вместо 117 миллиардов евро «Газпром» должен был бы получить...

А вот неизвестно, сколько рублей должен был бы получить в этом случае «Газпром»!

Механизм оплаты «рублями» вместо «валюты» еще только предстоит создать, и какие формы он примет, пока неясно. В общих чертах это может выглядеть так.

Теоретически покупателям российского газа придется купить рубли. Это будет означать, что 100 миллиардов евро (или даже больше) должны будут пойти не напрямую на счета «Газпрома», а на счета каких-то финансовых организаций (или даже одной организации), которая и рассчитается с российской газовой монополией. Эта организация заработает несколько миллиардов евро на комиссии за конвертацию плюс на разнице курсов покупки/продажи. Вот, собственно, и все. В торговле российскими ресурсами появится еще один или несколько финансовых посредников.

Можно встретить рассуждения о том, что в этом случае покупателям можно будет продать рубли по завышенной цене, и тут-то мы и разбогатеем.

Не получится. Во первых, «Газпром» будет возражать: в прошлом году его долговые обязательства составляли около $66 млрд, и они на 77% были номинированы в валюте. Если у корпорации не будет валютной выручки, то для выполнения своих обязательств «Газпрому» придется менять рубли на доллары, теряя деньги и обогащая посредников.

Кстати, нельзя сказать, что перевод торговли из евро в рубли так уж радикально повысит глобальный спрос на российскую валюту: если кто не помнит, у нас и так экспортеры продают на бирже в Москве 80% валютной выручки. Устроить «газ за рубли» — это то же самое, что обязать их продавать 100% валютной выручки

Кроме того, ограничения по сделкам в валюте при оплате за газ из России касаются «недружественных стран». А кто запретит «дружественной стране» устроить у себя меняльную контору по переводу евро и долларов в рубли и обратно? Тем более что директивы директивами, но в договорах европейских покупателей с «Газпромом» порядок расчетов определен, теперь эти договоры придется переписывать, и не факт, что изменения окажутся в пользу «Газпрома».

Цели и результаты

Так что пока вся эта история похожа на желание власти создать какого-то финансового посредника (условный «Газпромторгсин»), который:

а) будет накапливать на своих счетах валюту, поступающую в оплату за российский газ;

б) каким-то образом сможет уходить от возможной блокировки этих счетов.

Это история не про то, что «теперь рубль пойдет в Европу», это история про то, что «валюта не пойдет в «Газпром».

Валюта будет «где-то рядом». Но не здесь.

«...Была директива «Газпрому». «Газпром» — это международная компания, но главным собственником является государство, поэтому такая директива.<...> Про НОВАТЭК президент ничего не говорил», — сказал пресс-секретарь президента РФ Песков, отвечая на вопрос, распространяется ли это поручение президента только на трубопроводный газ «Газпрома» или еще на СПГ (сжиженный природный газ), в частности от «Газпрома» и НОВАТЭК (цитата по РИА «Новости»).

Получается, что цель директивы заключается в том, чтобы взять под полный контроль внешнюю деятельность «Газпрома»? Тогда власть будет контролировать все 100% выручки «Газпрома» от торговли с «недружественными странами», на которые приходится 85% его экспорта «на Запад».

> «ДОГОВОРЫ ПРИДЕТСЯ ПЕРЕПИСЫВАТЬ, И НЕ ФАКТ, ЧТО ИЗМЕНЕНИЯ ОКАЖУТСЯ В ПОЛЬЗУ «ГАЗПРОМА»

Механизм реализации директивы нам еще предстоит узнать.

Чиновники из ключевых стран ЕС — покупателей российского газа — почти синхронно заявили о невозможности оплаты рублями за российский газ в рамках существующих соглашений.

В пятницу, 25 марта, ценные бумаги «Газпрома» завершили торги снижением на 12,2%, втрое опередив индекс Мосбиржи (–3,7%) и растеряв весь рост, показанный в четверг, в день возобновления работы биржи после месячного перерыва.

В итоге за день капитализация «Газпрома» уменьшилась на 732 млрд рублей.

Будем надеяться, что еще ничего не решено окончательно.

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

ЧТО УВИДЕЛА СПЕЦКОР «НОВОЙ» ЕЛЕНА КОСТЮЧЕНКО СВОИМИ ГЛАЗАМИ

ХЕРСОН

Херсон был занят российской армией 3 марта. Сначала город взяли в кольцо: были заняты окрестные села и аэродром Чернобаевка. Потом российские военные зашли в город.

Как брали Херсон? «Глупость или предательство, возможно, и то и другое», — говорит бывший губернатор Херсонской области Андрей Гордеев.

— Значит, у нас есть четыре линии обороны. Первое — перешеек между Херсонской областью и Крымом, он весь полностью заминирован должен был быть. И мне, кстати, сказали, что за неделю до <...> [«спецоперации»] его разминировали какого-то хера. Дальше — пограничцы, но задача пограничцов не вступать в бой, а увидеть факт <...>, дать сигнал и отойти, отодвинуться и так далее. Потом уже идет наша оросительная система. Оросительная система — она проектировалась в Советском Союзе Министерством обороны и Министерством сельского хозяйства. Сама структура — как бы форма канала — не предусматривает его пересечения никаким видом транспорта. В любом случае это утруднение движения. <...>. Потом третья линия обороны — это уже сама речка Днепр. До последнего держится Днепр, мост Антоновский, если что, он взрывается, и Херсон как бы вообще вне военных действий, моста нету, мы только охраняем линию воды. Хер его кто перейдет, тот Днепр. И последняя линия обороны — Каховский плацдарм. Идет эвакуация Новой Каховки, там выселяются люди и держится каховский плацдарм. Там делаются редуты, капониры. На все это отводится сутки. Вот эти сутки нам надо было остановить их на входе. Не получилось.

Действующий губернатор Геннадий Лагута, со слов сослуживцев, в первый день <...> положил ключи на стол мэру со словами: «Я в этом не участвую» — и уехал из региона. Вместе с ним — в первый день «спецоперации» — уехало руководство полиции, прокуратуры, суды, чуть позже эвакуировались сотрудники СБУ.

<...>

Тероборона — подразделение вооруженных гражданских для охраны общественного порядка стратегических объектов, аналог народного ополчения — была организована в Херсонской области еще в 2016 году. По словам Андрея Гордеева, перед подразделением не было поставлено задач, и после того как сменился военком, в тероборону записались многие военные пенсионеры — чтобы получать зарплату вместе с пенсией.

— Началась <«спецоперация»>, а у нас ни одного блокпоста нету, ни одного! Все хотят что-то делать, никто не знает, что делать. Никем никто не управляет. Я захожу к этому комбригу тероборону, говорю: «Дима, что такое?» Даже карты Херсона у него не было на столе. Понимаешь?

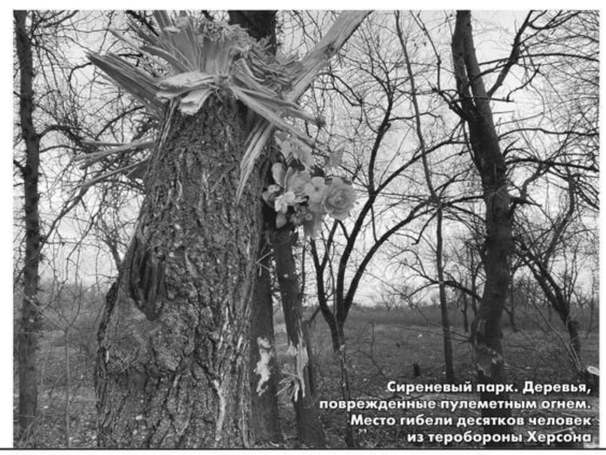
В 7 утра того же дня было совещание по обороне области. Комбриг Ищенко говорит: «Ребята, <...>, мне нужен грузовик, забрать оружие со склада к себе на базу». Те говорят: «Все хорошо, жди, сейчас будет». Звонит в 9 утра, звонит в 10 утра — подожди. А в 11 утра Якименко ему говорит: «Извини, обратись к мэру, потому что я вообще сейчас далеко, в эвакуации». То есть это в то время, пока он обещал транспорт, он просто убегал с администрацией вместе.

В 11 утра комбриг уже понимает, что у него нет машины. И он случайно узнает, что едет машина с оружием в Алешки — догоняет 59-ю бригаду, которую там разбили. Он говорит: «Я ее останавливаю и скидываю с нее 660 автоматов с боекомплектами». И все, она поехала. Хорошо, что хоть это взял, потому что машина не доехала, ее расхерачили на дамбе. И с этой машины выдают 400 автоматов в первый день добровольцам на Днепрянском. На Антоновском мосту идет бой. Надо взять под охрану мост — типа все туда. Пришли туда, там ночь уже была, глухая ночь. По ним <...>, они увидели кишки и как дерудали все! Где-то половину автоматов вернули, половина так, без вести пропала. Как и люди. Ну, в смысле, где-то залегли на дно, забоялись.

Это было ночью с 24-го на 25-е.

В итоге у него осталось 220 автоматов. У Ищенко. Я им привез около 50 «мух» (*РПГ-18 «Муха»*. — **Ред.**), тут же стоял автобус, погруженный с этими ребятами, кипеж такой. Мы пришли, багажник открыли, там «мухи» лежат. «Пацаны, можно у вас?» Комбриг говорит: «Да, возьмите». И мы, короче, половину «мух» им отдали. Они в целлофане. И там вот на кадрах [видео с погибшими бойцами тероборонцы] есть: они так в целлофане и лежат.

И их комбат завозит их в автобусах с коктейлями с этими и «мухами» в Сиреневый парк. Чтобы предотвратить наступление русских со стороны Камышан. Если бы люди были чуть-чуть подготовленнее, то этой бы трагедии не произошло. <...> Но люди были просто мясо. За идею. Только в Сиреневом парке погибло 36 ребят. Их <...>. Батюшка наш херсонский похоронил 67 ребят из обороны, неопознанных, сам. Они просто как собаки, на 20 сантиметров вот так глиной присыпаны, без гробов, без ничего! Вот батюшка их всех пофотографировал, нумерацию сделал, сделал в телеграме закрытый чат. Победим, говорит, потом будем их всех доставать.

Сиреневый парк. Деревья, поврежденные пулеметным огнем. Место гибели десятков человек из обороны Херсона

Город

В облсовете, стоящем на площади Свободы, разместилась «военная комендатура» города. Имени военного коменданта херсонцам не сообщали. В местных телеграм-каналах гуляет не подписанное никем распоряжение о комендантском часе и запрете митингов. Гражданскую власть в городе олицетворяет мэр Игорь Колыхаев, по сути, он исполняет обязанности губернатора. Я встретила мэра в горсовете. «Не до интервью. Мы под <...>, вы должны понимать. Город Херсон находится в украинской юрисдикции. Моя задача номер один — чтобы город жил. С их стороны никаких требований не поступало. С моей стороны — чтобы оружие и военная техника не ездила через город, чтобы не воровали людей, активистов, которые живут в городе». Горсовет, принадлежащий украинским властям, и облсовет, занятый россиянами, находятся на одной улице — центральной, Ушакова. Между ними — 500 метров.

Херсонский областной совет принял обращение, в котором объявил, что «ХНР» — «Херсонской народной республики» по типу «ЛНР» и «ДНР» — не возникнет. «Депутаты Херсонского областного совета VIII созыва никогда не признают попыток создать на территории Херсонщины «народную республику» и заграбастать часть Украины». Заместитель облсовета Юрий Соболевский объяснил, что так как здание облсовета занято российскими военными, голосовали в зуме, но подключиться смогли лишь 50 человек из 64. 44 проголосовали против «ХНР».

Комендантский час с 20:00 до 7:00.

Двухчасовые очереди к банкоматам.

Троллейбусы ходят бесплатно.

Бензина и газа в городе нет, но осталась солярка.

Продолжение материала ***Елены КОСТЮЧЕНКО*** — СТРАНИЦЫ 12-13 ⇨

своими глазами

Российские военные перед зданием Херсонского облсовета

ХЕРСОН

⇦ СТРАНИЦА 11

На третий день <...> в Херсонской области включили российские телеканалы.

Херсон живет без полиции. Руководство полиции выехало из Херсона в первый день «спецоперации», рядовым полицейским предложили переодеться в гражданскую одежду и эвакуироваться самостоятельно.

Обязанности полиции исполняет муниципальная охрана и самоорганизованные добровольцы.

Мародерство, появившееся в первые два дня после входа россиян в город, сейчас практически исчезло. Успели разграбить самый большой ТЦ «Фабрика» (он попал под артобстрел), магазин техники «Цитрус», несколько продуктовых. Супермаркеты «Гринлайн» и «Сельпо», чтобы не стать жертвами мародеров, открыли свои двери сами.

На улицах стоят сгоревшие машины — их некому убрать.

Метровую дыру в доме 2 по улице Тарле заделывают металлической заплаткой. Рядом — вывернутый карман балкона. Стекла густо усыпали землю со всех сторон дома. <...> Александра Павловна Казначеева только что получила гуманитарку — 10 батонов на дом. На каждом батоне — бумажка с номером квартиры, раздать жильцам. На столе расставлены цветы, сброшенные с подоконников взрывом. Цветы удалось реанимировать. «<...>. Я лично не могу подобрать ни одного слова, чтобы <...>. У меня слов нет, нет. Взять оборвать всю радость жизни!» — говорит Александра Павловна и плачет в кулачок. На слезы она дает себе не больше минуты, вот и нет слез.

— А <...> начали, знаете, до обеда еще. Потому что я стояла тут напротив столешницы.

Никто не ожидал, а я тем более! Я не знаю, какой пулей я залетела в ванную. Сидела, когда слышу — сыпятся стекла.

Оно ж и к нам попало, во второй дом, и в четвертый дом в торец влетел снаряд. А взрывной волной зацепило сильно все первые и вторые этажи.

Я уже слышу — тихо. Я открыла дверь, вышла, смотрю — мои цветы лежат на полу, стекла лежат здесь и туда посыпались. Два таких большущих взрыва, получилось, что попало к нам. Когда я вышла, то уже стекол не было в моей квартире нигде.

А в шестой квартире — напротив моей — бабка сидела на кухне, вот это ее спасло. Эта бабка начала кричать страшно. Там, в общем, было истерически... А дверь входная была закрыта, там дверь хорошая такая, мощная, что так не вывалило ее. Мы бабушку не могли через дверь даже вытащить. Мы ее вытаскивали через балкон, через дыру, где был балкон. Вызвали скорую. Она там была и в крови, закровавленная. Наверное, осколки полетели в нее, порезалась. Спросили: «Никого в доме нет?» Она сказала — ну, видно, в шоке, 82 года: «Нема никого». Ну, нема та и нема. А на второй день — звонок. Я подымаю трубку, звонит командир ее внука, который воюет. Говорит: «Ваш сосед разыскивает свою жену». Я говорю: «Так были сведения, что она уехала в село к родителям вроде бы. Тут бабка была одна». Вот так вот и рассказала ему. А оказывается, она лежала там, ее плитами накрыло, она... Все это вывалилось на нее! Вот это вот видите блок? Дверь балконная и вот это большое окно. Вот эта вся масса ее накрыла. Холодильники попадали, шкафы, все это упало и привалило ее. Так что там даже если бы сразу... Когда уже нашли, то у нее рассеченное было сильно лицо. Вероятно, ее сразу убило.

Таня Ермолаева, 29 лет. Норовистая такая была! А бабушка раненая — Валентина Васильевна Хмельницкая, ей 82 года. Ее внука Саша зовут, он сейчас под Луганском. Вот и вся их семья.

Блокада

Город фактически находится в блокаде. Российские военные контролируют все выезды из города. Самая острая проблема — лекарства. В аптеках нет сердечных, гипотензивных лекарств. Исчез L-тироксин, который пожизненно необходим людям, у которых не функционирует щитовидная железа, — его сейчас невозможно купить на территории всей Украины. Инсулин в город смогли доставить «контрабандными каналами» — его раздали по больницам. На аптеках висит список отсутствующих лекарств — в нем 40–50 позиций. В основном это препараты, которые принимаются постоянно.

Нет препаратов для химиотерапии.

Нет психотропных препаратов.

Главврач Херсонской городской больницы имени Карабелеша Алла Павловна Малицкая говорит:

— Мы всегда стараемся, чтобы у нас была 1–3-месячная норма в запасе. Онкогоспитальная группа препаратов не стоит на повестке, а стоит амбулаторная группа — из-за того, что ряд аптек позакрывался, из-за того, что были разграблены аптеки, из-за того, что возникла паника, люди стали выбирать лекарства на полгода и больше. Большая проблема с онкологическими группами лекарств, то есть теми, которые заказывались из центральных складов, из федеральных аптек — они в основном в Киеве, может быть, в Днепропетровске, какая-то часть в Николаеве. Но в связи с тем, что мы сейчас не имеем никакой логистики, мы оказались отторваны. Что касается инсулинов, то на 2–3 недели мы обеспечим нуждающихся, а дальше мы думаем, что будет дальше. Переживаем, что со временем закончатся у нас предметы ухода, то есть памперсы, калоприемники. Сейчас будет проблема с расходниками на диализы, и я знаю, что много медицинских центров Украины перешло на двухразовый диализ. Раньше был не менее трех раз. Диализных расходников у нас осталось на три недели.

— У нас при больнице шесть поликлиник — три детских и три взрослых, — говорит главврач больницы имени Тропинных Леонид Тимофеевич Ремыга. — Но вот выписать рецепт, чтобы получить лекарство, — это проблема. Аптечная сеть — розница — она практически пустая. Крем, мазь, витамины.

Леонид Тимофеевич рассказывает о беседах с <...> властями. «В первый день к нам приехал российский капитан с двумя автоматчиками и больным бойцом, и первое условие было — снимите флаг. Мы сказали, что не снимем. Он сказал: «Разрешаю оставить так до вечера, вечером приеду, чтоб не было». И он до сих пор висит. Этот капитан провел методичку. Знаете, какая методичка? Ну, что мы освободители, вас освободим, то и се. Здесь будет все хорошо. Говорю им: «Давайте, больного своего забирайте уже, мы его обследовали, пневмония». Потом приезжал еще, как он представился, начальник медицинской службы южной группировки войск... Ну, врач. «Нам надо заправить кислород». Я говорю: «Вы у нас не сможете заправить кислород». Уехал. На следующий день снова приехал: «Надо разместить персонал военного госпиталя». Я говорю: «Простите, нет». На следующий день никто не приехал».

— <...> власти предлагали гуманитарную помощь. Приходили в больницу и спрашивали, — рассказывает Алла Павловна. — Я сказала, что нам не нужно. Существует статья УК, которая влечет наказание за сотрудничество с <...> войсками. Мы не должны с ними сотрудничать. И если бы не было закона — я бы все равно не согласилась с ними сотрудничать. Я очень надеюсь, что нам не нужно будет ждать чьей-то помощи, что помощь от своих будет своевременной и достаточной.

Цены на продукты поднялись примерно в два раза, на яйца — в три раза. На полках крупных супермаркетов остались «праздничные», дорогие продукты: имбирные пряники, хамон, бри, замороженная семга. Нет крупы, макарон, хлеба, сахара, от них остались лишь объявления — «Не более 1 кг в одни руки». На рынках можно найти все, но дороже. Неделю назад возобновила работу оптовая база под селом Великие Копани, и в город стали завозить овощи. Частные пекарни пекут хлеб — цена на батон достигает 25 гривен (86 рублей).

На поиск еды на день уходит 2–3 часа.

У вокзала каждый день собираются за гуманитарной помощью. Сегодня очередь вялая — уже объявили, что гуманитарки не будет, но 30 человек остались стоять «на всякий случай». Стояли с 6 утра.

Подходит совсем юный парень, что-то тихо говорит одной из женщин.

— Я, молодой человек, стою, потому что нуждаюсь! А вы зачем пришли?

— Заблокировали вчера фуру россияне ваши с гуманитарной помощью! — говорит парень. — Она ехала на Херсон, они сказали: «Уезжайте, у нас своя гуманитарка». <...>

— Вы тут не пропагандируйте! — влезает женщина в рваной жилетке. — Вот где мне брать еду?

— Ищите по городу, есть наши, украинские волонтеры! — говорит парень. — Я сам не помню адресов...

— Так ты приходи с адресами!

— Да просто жопа горит от вас! — отворачивается парень. — Как с вами разговаривать?

— Благодарим за помощь, приехали и раздают еду бесплатно, — говорит женщина в рваной жилетке. — У нас магазины или закрытые, или пустые. А на рынке все есть. 4-го военные планировали раздавать на площади Свободы. Начали раздавать — поднялся митинг наших украинцев. Когда я добралась — они уже отчаливали, на площади валялось несколько банок разбитых тушенки, ее собаки слизывали. Кто там в кого кидался, я не видела.

— Такой молоденький мальчик со старшими людьми в таком тоне.

— С нами общался русский офицер, причем довольно культурно, спокойно. Обещал автобусы. Говорил: «Мы с вами не воюем, мы воюем с националистами. Нам не нужен ваш Херсон, он как был украинским, так и останется. Мы воюем с националистами, чтобы свергнуть вашу власть, навести порядок».

— За 30 лет нету ни одного хозяина, одни воры.

— Да слава богу, что они пришли. Вот с этими будет порядок. Американцы фабрики всякие разрабатывают, ковиды. В Херсоне сколько лабораторий, они же нас уничтожают. Ковид вы думаете откуда, оттуда? Это от нас. 30 лабораторий по Украине.

— С Уханя ковид пришел!

— Да у меня соседка работала в лаборатории, в Херсоне, так ее всю раздуло, и ноги раздуло!

— С Антоновского моста нам привезли не больше 10 человек, а сколько там полегло народу. С Сиреневого парка у нас одно тело, но у нас нет ни общего числа погибших, ни имен — там батюшка и местные просто их собрали, где-то прикопали, и все. Одного из них жена опознала, и вот она перезахоронила — с именем.

Сейчас же знаете как захоранивают? Люди приходят сюда. Они видят покойника, они приносят вещи. Здесь наши санитары укладывают в гроб, родственники прощаются... И тело отправляют на машине. Родственники на кладбище не едут. Почему? Потому что там блокпосты. Могильщики им фото могилок присылают потом. 16 марта машина коммунальной службы забрала покойников, а их обстреляли из оружия. Так вот ребята, которые везли этих покойников, они лежали в кюветах, пережидая, пока это... Машины пришли без стекол, без ничего. Потом позаклеивали эти стекла. <...>. Ну что, один день не хоронили никого. Потом опять начали потихонечку возить.

Некоторые тела очень повреждены, разрушены. Много обгоревших. Две трети тел у нас идут неопознанными. Меня просят: «Пришлите фото, чтобы опознать». Я всегда прошу: «Мамам, женам не показывайте!»

Две трети — без имен. Те первые дни, которые были тогда бои, их же к некоторых прямо <...>. Это же очень много обгоревших. У нас вот был обстрел Антоновского моста, и долетало до Антоновки. И принесла мама, собрала в одеяло, сказала: «Это мой сын». А когда пошли ребята на

Херсонское областное бюро судмедэкспертизы. Мест в холодильниках не хватает, тела лежат на полу

— Вот мы стояли возле Юбилейного, русские военные выдавали консервы, там, конечно, очередь была. Около 1000 человек было. Говорят: «Ваш мэр не дает разрешения выдавать людям продукты». А что делать?

— Вот кто учил коктейли Молотова в них кидать? Ты не провоцируй! Их не трогай — и они не тронут. Хуже уж навряд ли будет. И так можно жить.

Погибшие

Когда говорят о погибших, в администрации города обозначают: есть «примерно триста тел» погибших в городской черте. Глава Херсонского областного бюро Наталья Николаевна Филенко говорит, что цифру можно считать верной, но по области погибших — гораздо больше. Сводных данных по погибшим просто нет. Приказ Министерства здравоохранения от 9 марта упростил выдачу тел для захоронения в условиях войны. Сейчас тела можно выдавать с медицинской справкой о смерти, которую может выдать любой врач, без направления на судмедэкспертизу. В условиях <...> и боевых действий тела часто хоронят самостоятельно, «на местах».

вскрытие, там оказались фрагменты от двух тел. Поэтому, понимаете, о чем-то сейчас конкретно говорить — ну как?

Вот как доставать тела? Люди звонят, указывают место: «Там вот наш сын». Я говорю: «Я понимаю все, но у меня нет транспорта туда отправить людей, и я не могу рисковать людьми, когда там идут обстрелы. Я уже никак не помогу вашему сыну, если вам уже сказали, что он там лежит мертвый, понимаете? Я не могу рисковать живыми людьми». Только спустя неделю привезли, когда чуть стихли обстрелы. Достали из-под танка. А они же разлагаются.

Вот у нас не хватает вот этих черных пакетов. Мы обратились в больницы, нам помогли — сбросили немножко, кто мог. И вот коммунальная служба тоже выделит. Мы всех хороним в пакетах. Кто может и у кого есть деньги, те покупают гробы, и пока они есть. А сейчас и гробы заканчиваются. Время страшное очень. Противно все это. Людей жалко очень. Они не виноваты...

Все вместе это категория «лица, которые погибли от военных действий». Там есть и пулевые, там есть и минно-взрывные... Гражданскую машину <...>

> «САНИТАРЫ УКЛАДЫВАЮТ ТЕЛО В ГРОБ, И ЕГО ОТПРАВЛЯЮТ НА МАШИНЕ. РОДСТВЕННИКИ НА КЛАДБИЩЕ НЕ ЕДУТ. ТАМ БЛОКПОСТЫ. МОГИЛЬЩИКИ ИМ ФОТО МОГИЛОК ПРИСЫЛАЮТ ПОТОМ

в ночь с 24-е на 25-е у Каховской ГЭС. Погибшие — мальчик, ему три месяца, его сестра 2015 года. И трое взрослых: женщина 1966-го, мужчина 1965-го и еще одна женщина — 1995-го года рождения. Они все с одной фамилией, семья.

Тяжело. Общаюсь с родственниками погибших и зэсэушников, и мирных... Потом иду в душ и реву. Вечером это уже моцион такой — выплакаться, но утром — опять на работу. Ну а что делать? Надо делать эту работу.

Было бы лучше, если бы все ушли. Вот как они пришли, так бы они тихонечко ночью и ушли. Но я так понимаю, это еще не финиш.

Облсовет

У бокового входа облсовета техника с белыми Z на боках, пулеметные гнезда из бетонных блоков.

Расслабленные военные. Руки лежат на калашах. Маски спущены.

К военным подходит женщина.

— Гуманитарную помощь вы выдаете?

— Сегодня не будет.

— Сегодня не будет, а когда будет?

— Никто не знает. Вы каждый день приходите. Часов в девять утра, в десять. И спрашивайте. Это самый оптимальный вариант.

За ней подходит девушка с косичкой.

— Я спросить про лекарства. Нам просто очень нужен L-тироксин. У нас в доме двое человек принимают регулярно, у них удалена щитовидная железа, понимаете? Как бы если они не будут принимать, они умрут. Вот с кем можно поговорить на эту тему?

— Сейчас я спрошу, может быть, кто-то что-то знает, — отвечает боец и уходит говорить по рации.

— Спасибо большое!

Бабушка с большой сумкой топчется и говорит в телефон. Боец предлагает ей стул, она присаживается и тараторит: «Ждали, листовая очередь была. Мне так не досталось. Что там раздавали? Тоже. Мужики стояли, одни мужики. Сколько дней ты отстояла? Как нам теперь? А солдаты говорят — им мэр, мэр запретил! Мэр запретил гуманитарку раздавать! Что не нуждаемся мы! А что ты за мэр?! Как ты мэр? Встань, накорми людей! Че ты не накормишь людей?»

— Это шо, такой мэр хороший или шо? — спрашивает боец.

— Тогда на фиг он нужен? — бушует бабушка.

Бойцы кивают, смеются.

— Приходите завтра.

— Вы тут надолго? — спрашивает девушка военного.

— Не знаю. Если честно, я не думаю, что будет хуже. Я так думаю.

— Умные люди здеся, да? — говорит бабушка.

— Здесь мало нехороших людей, — отвечает боец. — Поэтому все так тихомирно.

— В Мариуполе вон людей не выпускают, поэтому все так, — продолжает второй боец.

— Ну, Мариуполь и прикрывается мирными жителями, — говорит бабушка.

— Я вам давала иконы? — спрашивает бабушка бойцов.

— Мне не давали. Там уж кому-то давали. Мне — нет.

— Вам дать?

— Давайте.

— Это моя любимая икона — «Нерушимая стена». А еще икона есть «Державная». Это российская икона, называется «Державная». Когда царскую семью замучили, скипетр приняла Божья Матерь. Она сейчас и руководит всем этим. Ну... все по воле Божьей. Правда?

— А как иначе? — отвечает боец.

— А как вы вообще вот себя ощущаете? — спрашивает девушка. — Вот вы зашли как бы в город, все равно это как <...> считается. Вот как вы себя чувствуете?

— Я не чувствую себя <...>, — говорит бабушка.

— Спокойно. Спокойно. Не чувствуется, что вам плохо. А морально чувствуется... Мы же ничего плохого никому не делаем. Если бы я что-то плохое делал, может быть, меня бы это напрягало.

— Ну вот вы же все равно, когда сюда шли, ЗСУ защищало, и вы там их убивали, получается.

— Я никого не убил.

— Откуда вы знаете?

— Я чувствую внутри, что не убил.

— Девушка, да здесь никто никому не мешал, — говорит его напарник.

— Не защищали город?

— Здесь все уже уехали давно. Вы еще не знали, что что-то будет, а они уже уехали. За неделю.

— Да сейчас все наладится. Надо перетерпеть. Жизнь наладится, все откроют. И вас же никто не трогает.

— А людей по квартирам рыщут, забирают.

— Да? Не верьте тому, что говорят. Вот вы видите в городе, что там, кто там? Понимаете, это пропаганда. Вот мародерство ваше. Понимаете, легче списать на нас... Что от русских все беды.

— Вы вот когда в армию шли, вот вы думали вообще, что вы можете в другой стране оказаться, например?

— Конечно.

— У вас же Министерство обороны. Оно потому и обороны, что обороняет страну от чужих как бы, а не ходит в другие страны.

— Девушка, а вы, простите, не из Тель-Авива? — спрашивает бабушка.

Военные смеются.

— Нет.

— Не с Иерусалима?

— У меня нету никого знакомых в Израиле! — девушка отступает назад.

— Да спрятано ваше лекарство где-то! У предпринимателей. Просто им не разрешает, я думаю, местная власть открывать все эти аптеки. По-любому там же ведь запасы есть. Понимаете, что задача мэра — настраивать против русских.

— Так а почему его не это? Не потрясут? — спрашивает бабушка.

— Ну официально он же мэр, — говорит военный. — Вы его и трясите.

Похищения

Олегу Батурину 43 года. Он журналист, работает в газете «Новый день». Специализируется на расследованиях коррупции. Он живет в Каховке — городке в 80 километрах от Херсона. В городе его знает каждый.

12 марта его похитили.

Окончание материала
Елены КОСТЮЧЕНКО —

СТРАНИЦА 14 ⇨

своими глазами

СТРАНИЦЫ 12-13

ХЕРСОН

Митинг в поддержку Украины в Херсоне

— Я некоторых вещей рассказывать не буду, потому что я все-таки на <...> территориях, поймите меня правильно. То, что я считаю возможным вам рассказать, я расскажу.

В прошлую субботу мне где-то в районе 12–13 часов дня с неизвестного номера раздался звонок. Это звонил знакомый мой, Сергей Цигипа, из Новой Каховки. Он ветеран АТО, активист, блогер. Я потом понял, что в момент звонка он был уже похищен. Он нормальным голосом сказал: «Мне нужно с тобой срочно встретиться. Давай я придумаю, как мне добраться в Каховку, давай на какой-то простой, доступной локации, например на автостанции». Конечно, можно было заподозрить неладное, избежать этой встречи. Я пошел без документов, без телефонов, то есть при мне не было ничего, кроме личных вещей: платка, перчаток. Было пять вечера. Только я успел выглянуть, его нету, стоит только какой-то бусик. Я отхожу, и тут из этого бусика на меня выскакивают хорошо тренированные люди. Успел краем глаза увидеть, что они в бронежилетах, <...>, экипировка явно военная. Начали кричать: «Падай на асфальт, на колени», начали заламывать руки очень резко, надевать наручники, катать по асфальту, спрашивать, как зовут, «где твои документы, где твой телефон». Очень их взбесило, что у меня ничего с собой не было, они все проверили очень жестко. Я им назвал вначале первое пришедшее в голову имя, они сказали: «Ты врешь». После этого меня кинули на пол этого бусика, поставили мне ноги на спину, ногами меня жестко и автоматом тоже по спине.

У них были закрытые лица. Открыты только глаза чуть-чуть, но это я успел увидеть только краем глаза. Я их мог видеть только урывками, потому что все время, когда они со мной общались, они заставляли меня низко наклонять голову, надевать капюшон или наматывали на капюшон скотч очень туго, чтобы он не мог слететь. Они говорили на русском.

Меня отвезли в здание Новокаховского городского совета. Меня начали допрашивать. Меня про каких-то националистов спрашивали, знаю ли я каких-то националистов местных, про митинги, которые проходили в нашем регионе. После этого меня и нескольких человек отвезли в здание полиции, недалеко от центра города, и об этом я тоже не хочу говорить. То, что еще какие-то задержанные люди вместе со мной, я ощутил только тогда, когда из здания совета нас повезли в здание полиции. Там тоже был допрос, и там других тоже допрашивали. Потом меня и других приковали наручниками к батарее, и до утра я там сидел. <...> Не били по голове, к счастью. По ногам, по спине, по бокам, но куртка сглаживала удары. По ногам было больнее. Очень сильно затягивали наручники, у меня были очень сильно опухшие руки, и до сих пор остались шрамы. Постоянно угрожали убийством.

В воскресенье меня и нескольких человек привезли в здание Херсонской областной администрации. Я спросил того, кто меня допрашивал: «Могу ли я вас спросить, где я нахожусь, не в Херсоне ли я». Мне сказали: «Да, в Херсоне». Их интересовали организаторы митингов везде и интересовали люди, которые ведут телеграм-каналы.

После очередного допроса они открыли окно, а там в это время на площади Свободы проходил митинг, и он был просто грандиознейший, и я слышал очень четко, что происходило там. Я ощущал растерянность тех, кто меня допрашивал. Они говорили: «Мы пришли защищать этих людей, а они ходят и кричат что-то непонятно». Я так понял, что в течение нескольких дней эти изоляторы пополнялись новыми людьми и постоянно вели допросы. Я слышал, как избивали людей. Я не могу судить, потому что я не видел, я могу опираться только на то, что я слышал. Я очень надеюсь, что эти ребята выживут.

На восьмой день утром мне сказали: «Собирайте вещи, мы вас отвезем домой». Говорили: «Зачем вы ходите на митинги, зачем вам это нужно, зачем вы будоражите народ, зачем вам эта ерунда, сидите спокойно, мы пришли вас спасать, а вы тут чего-то бунтуете».

Я сейчас с семьей. Боль ощущаю. Мне больно, потому что я люблю Херсонскую область. Я не такой судьбы хотел себе самому или своим близким.

С начала <...> в горсовет поступили заявления о 44 пропавших людях. Три женщины, один гражданин Испании. Пятеро из пропавших исчезли на площади Свободы, там, где проходят мирные митинги против <...>. Остальные были похищены на улицах, из квартир.

По сообщениям херсонцев, похитители активно разыскивают сотрудников СБУ, ветеранов АТО, активистов, волонтеров, ведущих телеграм-каналов.

Несколько людей вернулись. Мне удалось поговорить с ними. По их словам, в «тюрьме» сейчас находятся и двое иностранцев — гражданин Испании и Норвегии. Гражданин Норвегии, со слов других «заключенных», болен и находится при смерти.

Митинг

Митинги против <...> проходят на площади Свободы. Каждый день в полдень.

Самые большие митинги бывают по воскресеньям.

Люди собрались через дорогу от облсовета, напротив кинотеатра «Украина». 500 человек, и толпа продолжает расти.

На асфальте растянули нарисованное цветочное поле. Священник держит икону Святого Владимира. Немолодая пара разворачивает самодельный плакат — <...>. Совсем юные цветными мелками пишут на плакате: «Родину за гречку не продаем». На защитной сетке на дорожном ограждении написали <...>. По толпе гуляют два мегафона.

— Одна! Едина! Соборна Украина!

Люди поют гимн, прижав правую руку к сердцу.

Движение, толпа увидела, что на противоположной стороне два военных задерживают парня в коричневой куртке.

— А! Отпускай!

Люди перелезают через заграждение, перебегают дорогу. Военные машины с маркировкой Z выезжают из-за облсовета на Ушакова, и часть толпы отделяется, перегораживает машинам путь — и машины пятятся. Люди останавливаются у ежей, сваренных из рельс. Между ними и военными — 80 метров. Граница, за которую никто не переступает. <...>

В ответ военные выносят колонку и включают музыку. Играет гимн Советского Союза.

Митингующие тоже находят колонку. Играет гимн Украины.

Музыкальная дуэль продолжается. Россияне включают «Встаньте, дети, встаньте в круг», «И Ленин такой молодой», «Я на солнышке лежу».

Российский военный пританцовывает под крики.

— Какое-то водяное перемирие, — говорит женщина с перевязанными лентой волосами.

— <...>, а не перемирие с <...>! — одергивает совсем молодой парень.

— Водяное, водяное перемирие. Речка одна, всем надо пить. И город один, и они тут, и мы.

В ночь с воскресенья на понедельник «водяное перемирие» было нарушено. Перед горсоветом есть стела с украинским флагом, в основании — портреты погибших в Донбассе херсонцев. Кто-то написал на портретах красным по лицам — «ВСУ — убийцы детей Донбасса».

В понедельник митингующих собралось немного меньше сотни человек. Люди перешли дорогу и начали стирать надпись с портретов. Успели стереть две буквы. Российские военные открыли <...> стрельбу светошумовыми и газовыми гранатами. Один мужчина упал и остался лежать — по левой ноге быстро текла ярко-красная кровь.

Его увезли в больницу. Ранения оказались пулевыми — но, со слов врачей, стреляли, вероятно, пневматикой или резиновыми. Ранений оказалось несколько, большинство оставили ссадины, но одна пуля, как сказали мне врачи, прошла навылет и повредила большеберцовую кость на голени, перебила идущий внутри сосуд.

На следующий день митингующие вышли вновь. Их оказалось еще меньше — не более 60 человек. Мегафона никто не принес. Люди кричали: «Идите домой!» Пели гимн. Тех, кто кричал оскорбительное, называли провокаторами и зашикивали. Один из автозаков двинулся вперед и произнес: «Уважаемые граждане! Кто не разойдется в течение пяти минут, будет задержан». Люди остались стоять. Кричали: «Не розуміємо!» Машины на Ушакова подбадривали их гудками. Через улицу, перед белой обладминистрацией, выстраивалась линия российских военных — 80 человек. Они стояли уверенно, переминались с ноги на ногу. Торопливости в их движениях не было.

Газовая граната летит с шорохом. Взрыв, свист, граната падает на ступеньку кинотеатра, дымит. Люди стоят, и гранаты летят опять. Одна попадает в бок мужчине, он начал задыхаться. Его тащат под руки, кладут на лавочку, ждут скорую.

Люди убегают в переулки. Продышавшись от газа, возвращаются на площадь вновь и вновь. Кричат, уже не выбирая слов. <...>

Мэр Херсона Игорь Колыхаев приказал повесить на горсовете новый украинский флаг — пятиметровый, он закрывает несколько этажей. Старый, выгоревший, выцветший, убрали со здания.

Елена КОСТЮЧЕНКО, Херсон
Фото автора

былое и дух

Кадр из фильма

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

Особенно надо помнить звездочёта

Помните звездочёта?

50 лет назад появился и мгновенно стал невероятно популярным фильм «Семнадцать мгновений весны». Фразы и словечки вошли в русский язык, почти как «Горе от ума». Все помнят героев, и не только Штирлица и Мюллера. Пастор Шлаг, партайгеноссе Борман, профессор Плейшнер, бригадефюрер СС Шелленберг, радистка Кэт...

Готов поспорить, что вы забыли астронома. Третьестепенный лишний персонаж. Он появляется в первой серии — арестант в полосатой робе лагерника, в наручниках, привязан к стулу, абсолютно беззащитен. Его допрашивают, бьют, а он, измученный, кричит в лицо эсэсовцам:

— Я больше не могу! Не могу! Понимаете? Я просто хочу жить! Просто жить, при ком угодно: при фашизме, капитализме, с Гитлером, без Гитлера. Я не могу так! Я задыхаюсь от вашей слепоты, глупости, безумия. (Он говорит неправду. Ему не всё равно. Иначе не написал бы листовку и не пошёл ночью клеить. Лох, конспирации не знает. Видеокамер, конечно, тогда не было, но внимательные люди были.)

— Кто тебе приказывал писать прокламации?! Кто?! Ты сам не мог додуматься до этой мерзости. Кто тебе передавал этот текст? Твоей рукой владела чужая враждебная воля. С кем ты снюхался из врагов? Где и когда? (Эсэсовцы уверены, что человек сам додуматься до протеста не может, хотя это ж не свинопас, а астроном. Движение звёзд понимать может, а политику, которая его душит, — нет.)

— Нигде, ни с кем я не снюхался! Я боюсь говорить даже с самим собой. Я всего боюсь. Неужели у вас нет глаз?! Неужели вы не понимаете, что каждая новая жертва сейчас — это вандализм. Вы всегда твердили, что живёте во имя нации. Так уйдите, спасите остатки нации! Вы обрекаете на смерть несчастных детей. Вы фанатики, дорвавшиеся до власти! Вы сыты, курите хорошие сигареты, пьёте кофе, коньяк. Так дайте нам жить как людям, а не как бессловесным рабам. Или убейте меня сейчас, чтоб не сходить с ума от сознания собственного бессилия! От сознания тупости нации, которую вы превратили в бессловесное стадо!

Февраль 1945-го. Мы знаем, что до безоговорочной капитуляции фашистов осталось три месяца.

В секретном зале советскую кинохронику смотрят двое: Шелленберг и Гиммлер. Идут кадры Ялтинской встречи: Сталин, Рузвельт, Черчилль. «Союзники договорились об окончательном разгроме Германии, оккупации Германии, репарациях», — говорит закадровый голос.

...Мы смотрели и пересматривали этот фильм с огромным удовольствием. Не только сюжет и блестящая игра артистов доставляли нам глубокое удовлетворение. Мы точно знали, кто победит. Нам не приходилось волноваться за исход войны. Хотя он был предрешён; и не только весной 1945-го, но и осенью 1939-го.

Избитый, замученный астроном был прав. Но в тот момент он подписывал себе смертный приговор. С точки зрения эсэсовцев, он был дураком. Ведь мог бы раскаяться, отречься...

Посмотрите «Семнадцать мгновений весны», особенно если у вас мрачное настроение. Это кино поднимает дух. Посмотрите хотя бы первую серию, потом не сможете остановиться.

Весной 2022-го полезно смотреть все семнадцать мгновений весны 1945-го.

Александр МИНКИН, «Новая»

новое слово эпохи

ВСТАВАЙ, НАРОД ВЫСВОБОЖДЕННЫЙ!

Эксплуатация труда должна исправить ошибки капитала

История с 59 тысячами сотрудников, «намеченных к высвобождению», представляется более интересной, чем может показаться на первый взгляд.

Как написано на сайте Министерства труда и социальной защиты, в показателе «планируемое высвобождение» учитываются как данные об увольнении работников в связи с сокращением штата или ликвидацией организации, так и сведения о работниках, которым предстоит расторжение контракта с последующим приемом на работу, — в частности, когда компания проходит реорганизацию, с сотрудником прекращается действующий трудовой контракт и сразу заключается новый.

То есть «высвобождение» и «увольнение» — не одно и то же. То есть опасаться за свою работу нам незачем?

Не совсем.

Дело в том, что российские работодатели пессимистично оценивают ближайшее будущее экономики. По данным Института Гайдара (ИЭП), «индекс прогнозов в промышленности», основанный на результатах опроса руководителей компаний этого сек-

> ЕСЛИ У ВАС НЕТ ПРИТОКА «КАПИТАЛА», ВАМ ПРИДЕТСЯ ВЫЖАТЬ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ ИЗ «ТРУДА»

тора, за месяц, прошедший с 24 февраля, потерял сразу 50 пунктов. Для сравнения: в 1998 году снижение этого индекса составило 25 пунктов (за 10 месяцев с января по октябрь), в 2008–2009 годах — 30 пунктов (за пять месяцев), в 2014–2015 годах — 10 пунктов (за пять месяцев), в 2020 году — 32 пункта (за четыре месяца).

Прогнозы спроса снизились на 50 пунктов (это хуже значений, полученных в ходе мониторингов всех предыдущих российских кризисов). Показатель «планов выпуска» сократился в марте на 54 пункта.

И самое важное для нашего вопроса — показатель «планов компаний по найму работников» сократился на 45 пунктов и достиг минимумов времен кризисов 1998 и 2008–2009 годов, хотя остался выше результата апреля 2020 года.

Инфляционные ожидания в промышленности, по данным опроса ИЭП, выросли на 20 пунктов. А опрос «Ценовые ожидания предприятий», проведенный Центральным банком в начале марта, также показал, что эти ожидания на ближайший квартал достигли максимума за всю историю наблюдений — с января 2000 года.

И какое отношение все это имеет к «высвобождению работников»?

Самое непосредственное.

Дело в том, что классический (и испытанный) способ ускорить экономический рост страны с такой структурой экономики, как у России,— «сырье в обмен на оборудование и потребительские товары плюс военно-промышленный комплекс» — состоит в том, чтобы снизить цену труда с одновременным снижением (или задержкой роста) уровня жизни людей.

И таким же образом можно компенсировать экономический спад.

Если у вас нет притока «капитала», значит, вам придется выжать все возможное из «труда».

«Выжимать все из труда» можно разными способами.

Мягкий способ — это задержка темпов укрепления национальной валюты (например, путем создания валютных резервов) или даже ее девальвация — чем дешевле национальная валюта, тем ниже цена труда в этой стране по отношению к цене товаров с внешнего рынка.

Более жесткий — это различные ограничения притока импорта товаров, который вызывает рост цен на «импортозамещающую» продукцию местного производителя.

Ну и совсем безжалостный — экстремальное налогообложение потребления, то есть создание ситуации, когда для покупки элементарного набора товаров и услуг вам придется работать значительно больше времени, чем вы делали это раньше.

Конечной целью во всех этих случаях является повышение нормы прибыли предприятий. Или бюджетных доходов, если бенефициаром, менеджером и инвестором таких предприятий является правительство. Заработанные за счет гиперэксплуатации труда средства их собственники могут направить на то, что считают нужным.

Собственно, сейчас мы видим применение всех трех способов перезапустить и подстегнуть экономику.

Это и «девальвация валюты» вместе с «ростом цен», это и «резкое сокращение импорта», это и «экстремальное налогообложение потребления», в котором вы можете убедиться, прикинув, сколько вам придется дополнительно работать, чтобы приобрести привычные товары.

Кстати, в экономической теории сочетание всех этих мер называется «промышленная политика» — политики в России много раз говорили о «возрождении производства», так вот, это возрождение выглядит именно так. Как говорится, ничего личного.

А «высвобождение рабочей силы» — это действительно не увольнение.

Это термин, обозначающий элемент этой самой промышленной политики, в рамках которой люди под угрозой потери работы будут вынуждены соглашаться на снижение цены своего труда.

И это только начало. Потому что предприятия видят глубину возможного экономического кризиса и будут принимать соответствующие меры. И правительство, со своей стороны, эти меры будет поддерживать. В текущей ситуации другого выхода они не видят. Восстановление экономического провала должны будут оплатить люди, только так, и никак иначе.

И это не случайное стечение обстоятельств. Так было задумано.

Дмитрий ПРОКОФЬЕВ,
редактор отдела экономики «Новой»

МЕСЯЦ «СПЕЦОПЕРАЦИИ»: ЗАМЕТКИ ИЗ ГЛУБОКОГО ТЫЛА

Почему Родина стесняется говорить о своих солдатах, погибших на поле боя?

Прощание с Русланом Токаревым. 23 марта, Лесосибирск

Евгений ГРУЗДЕВ / газета «Заря Енисея»

Прощание с Александром Лазаренко

Фото главы Манского района А. ЧЕРНЫХ

23 марта Лесосибирск простился с десантником Русланом Токаревым. Гроб привезли в городской выставочный зал.

Мэрия сообщила о прощании не на официальном сайте, а в своих соцсетях. Затем там же поместила репортаж с церемонии городской газеты «Заря Енисея». И газета, публикующая документы горсовета и администрации, тоже репортаж поставила не на сайт, а лишь в соцсети.

Ввиду незначительности? Нет, проститься с солдатом пришли не только одноклассники и учителя, тут и мэр, и председатель горсовета. Для всех — событие. Но что-то мешает о нем говорить. Упоминают, но — по минимуму. А почему, собственно? Откуда эта неуверенность? Вот на сайт «Зари Енисея» выложено видео, как совсем юные, от горшка два вершка, воспитанники кадетского корпуса поют патриотическую песню на попсовый мотив, а гибель гвардии ефрейтора Токарева, посмертно награжденного орденом Мужества, в эту военно-политическую песнь, в воспитание народа, в курс партии и правительства не вписывается?

А почему, что мешает? Если люди верят свято в свою правоту, разве станут они молчать о потерях, понесенных в отстаивании этой правоты? Они ими гордятся — сынами, сложившими головы.

Или это просто еще одна хитрость — чтобы юные кадеты лишь пели задорные песни и пока ни о чем не задумывались?

Ни один живой организм, в том числе коллективный, народный, при отсутствии информации извне, при перерубленных нервах, выжженных рецепторах, при заткнутых ушах и закрытых глазах не может выбрать верную линию — куда и зачем идти/бежать. Это самоубийственная позиция.

«Спецоперация» началась месяц назад. Минобороны сообщило о погибших и раненых единожды — 2 марта (в Сибири уже было 3-е) и больше чем через три недели после этого, 25 марта. Информацию о гипотетических потерях к дню сегодняшнему приходится прикидывать от цифр раненых, а те, в свою очередь, прикидывать по внеплановым закупкам медикаментов, что предписаны больницам, конкретику — выискивать в школьных паблах, сообщающих о героической гибели выпускников, в церковных помянниках новопреставленных воинов. Почему?

Лесосибирск — это небольшой город в Красноярском крае. Вот хроники только одного края, одного региона.

О первом убитом земляке — майоре Сергее Кашанском (32 года, уроженец Красноярского края) сообщил в своих соцсетях сам губернатор Усс, сопроводив известие видео с развевающимся флагом России. В дальнейшем, когда гробов стало больше, Усс уже не отвлекался, предоставив право сообщать о них или молчать о них местным администрациям. Усс вернулся к новостям кампании еще только раз, написав о присвоении звания Героя России еще одному красноярскому уроженцу, капитану Алексею Лёвкину, командующему танковой ротой.

И солдат теперь хоронят негромко и постоянно. Прощаются в школьных спортзалах — в селах, а в городах — в старых местных ДК и новых «центрах культурного развития». Власти откликаются, кто как умеет. Глава Манского района выложил в ВКонтакте» подробную съемку с похорон старшего лейтенанта Александра Лазаренко. Глава Норильска пытался тоже найти слова о «сыновьях города»: Эгемберди Дорбоева («осенью 2021 года был призван в армию, после чего заключил контракт»), Эдуарда Белого (проходил службу в Ростовской области, а в феврале по контракту принял участие в «спецоперации»).

Мэрия Минусинска дала сухое сообщение о прощании с младшим сержантом Андреем Барановым (из школьного паблика: «участвовал в олимпиадах по математике и биологии, в 4-м классе стал призером краевой олимпиады по математике, в старших классах готовился поступать в Военно-медицинскую академию»).

В Канске с почестями похоронили росгвардейца Дмитрия Кузнецова, о чем написали местные СМИ, и — никаких официальных сообщений вовсе. Только Енисейское казачье войско известило, что Кузнецов погиб при выполнении боевого задания во время «спецоперации»; в мэрии сказали, что ждали информации от Росгвардии, в Росгвардии — что «описание подвига Дмитрия пока не пришло».

И мэрия Красноярска промолчала о похоронах наводчика парашютно-десантного взвода, рядового гвардейского десантно-штурмового полка Владислава Разумова. 20 лет, на срочную службу призвали в прошлом году после окончания техникума — об этом написало Нгс-24, ссылаясь на подробную информацию Минобороны (Разумова наградили орденом Мужества).

Мэрия промолчала, но на похоронах речь произнес начальник мобилизационного отдела департамента главы города Николай Ивченко: «Когда Родина потребовала, он не задумываясь отдал свою жизнь... Спасибо родителям за воспитание достойного человека».

Родителям отдали — «на вечное хранение» — флаг, который покрывал гроб.

Ивченко раньше был военным комиссаром Красноярского края. Хорошо помню его выступление в нулевых годах с трибуны регионального ЗакСа. Тогда случилась очередная волна — бывает такое: в край шел уже второй десяток гробов со срочниками — за несколько месяцев. Трупы не из Чечни — из невоюющих частей. Причем почти всех офицеры причислили к самоубийцам; каково было родителям искать попов, что согласились бы отпеть солдат с сомнительной «историей смерти»?

Ну и вот. Ивченко подошел к трибуне и настоятельно посоветовал не считать трупы мальчиков, присланные из армии.

Таков был ответ на все вопросы. Такова цена тут человека, отдельной жизни. Такая же константа, как поношение живых соотечественников, если разговор про отдельные единицы, и почитание мертвых, если они гибли массами. И гибли не просто так — а якобы за что-то.

Вскоре после этого напоминания генерал-майора о фундаментальных основаниях страны, 8 мая 2005 года, то есть накануне всенародного праздника, на окраине Красноярска, в канализационном коллекторе обнаружили один обугленный труп и сильно обгоревшие фрагменты еще нескольких тел. Подозревали, что всего — шести. К тому моменту уже три недели искали компанию из пятерых пропавших мальчиков 10–12 лет; и вот снова никто не торопился считать, процесс идентификации начался только 11 мая, после отдыха в связи с Днем Победы и родительским днем. Тогда же, 8 мая, в городе состоялась презентация коммунистами бюста Сталина, а власти помпезно открыли в центре Красноярска «уникальный, первый в России» памятник Детям войны. Ну а потом — парад, который принимал генерал Ивченко, потом речи — разумеется, не о гибнущих мальчиках 10 или 18 лет, не о стране, давно ставшей бабьей, с бабьими реакциями, а о силе русского оружия. И о жертвах советского народа — кто о 20 миллионах, кто о 26,6, кто о 27, кто о 40.

Посчитать же все недосуг. Да и зачем? В любимой патриотами литературе сказано: «Будущее наше — славно. И мы притекали к смерти, как к празднику».

Вот и сейчас уже начались приготовления к нынешнему 9 Мая, что будет, по всей видимости, особо триумфальным. Только один фейерверк Красноярский край заказывает за 5,5 млн, а еще георгиевские ленты, изготовление бантов из них, буквы Z и V повсюду, работа полевых кухонь и т.д.

переставая, этот гул слышно издалека, и вот они: многие десятки машин, дорогих и дешевых, из открытых окон и люков флаги России, «ДНР» и «ЛНР», «Молодой гвардии», хоругви (!). C Z (скотчем, малярной лентой, лейкопластырем на стеклах, капотах, бортах) и Иисусом — носятся по улицам до вечера.

На полицейских машинах и некоторых аварийных городских служб (типа «ночного дозора») теперь Z уже фабричного изготовления.

Эмигрируют не только граждане России — Россия как страна теперь уходит во внутреннюю эмиграцию: в реальности ведь не мир бежит от России, а она, устав от сложностей, все сделала для того, чтобы замкнуться в себе, остаться наедине с идеальной собой, с миром простым и ясным, и пустым, как до грехопадения. И — не пускать извне тлетворное влияние. Умертвить все живое, вырубить все до пустыни... Мир теперь — это одинокий ребенок, играющий в танчики в мавзолее.

Несколько лет назад, после того как органы опеки отобрали детей в одной хорошей семье, и когда все российские тенденции — что во внешней политике, что в частной жизни — уже были обнажены и ясны донельзя, психолог Николай Щербаков сказал мне в частном разговоре: «Это все в рамках «Атаки на связи» — концепции британского психоаналитика Биона. Он 70 лет назад опубликовал работу, где описал и объяснил действия деструктивной части личности пограничных и психотичных больных, которая препятствует возникновению всяческого «логоса» как в аналитическом процессе, так и в их жизни — в отношениях с собой и с людьми, с миром. И в результате — деструкция, фрагментированность, мортидо (в психоанализе психическая энергия, источником которой является гипотетический инстинкт смерти), некрофилия в их психическом устройстве берут верх, тогда как все живое, целостное, интегрирующее и креативное оказывается подавленным, вытесненным, репрессированным.

> «СОСТОЯНИЕ АФФЕКТА НЕ МОЖЕТ ЗАТЯГИВАТЬСЯ. ТАКОЕ СГУЩЕНИЕ ШИЗОИДНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ, ПСИХОЗ И САМОПОВРЕЖДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ДОЛЖНЫ ЧЕМ-ТО ЗАКОНЧИТЬСЯ

Дышим через раз, дышим то через ИВЛ, то через VPN, дышим уже далеко не все, но ничто не сможет помешать нам «притекать»; праздник — уже здесь, все наполнено его сладковатым и страшноватым запахом. Началось военно-патриотическими маслеными, потом буква Z — на уличном огромном экране краевой филармонии, где играют Шостаковича и Рахманинова. Чтобы сложилась та же буква, по вечерам зажигали выборочно окна в высотках краевого правительства, мэрии, федерации профсоюзов, офисных зданиях, отеле Amaks и т.д.

Воздушную Z спроецировали на фасад театра Пушкина, показывавшего ранее спектакли по Брехту и Астафьеву. (Из презентации театра, о репертуаре советских 80-х: «Лучшими спектаклями признаны: «Из записок неизвестного», «Театр времен Нерона и Сенеки», «Не убий».) Для тех, кто не смог прийти и увидеть Z на «Пушке», видео опубликовали в паблике мэрии. И рядом с мэрией установили уже физическую, стационарную букву, призвав горожан «делать снимки на фоне новой локации и выкладывать их в соцсетях с хэштегами (перечисляются)».

Каждое воскресенье по всем основным улицам Красноярска — военно-патриотические автопробеги. Сигналят не Афганистана, телевизор с попсой и речами с заседаний ЦК. Но это уже 2007-й, все очевидно. Меж тем был другой питерский художник, Евгений Юфит (1961–2016), и он еще в 1998-м, до нынешней эпохи, выпустил поразительно точно увидевший всю ее, все будущие десятилетия (не только в России), фильм «Серебряные головы». Эксперименты по усовершенствованию человеческой природы, наука как суицид, бункерное существование и т.д. Там есть такой предводитель Z-мутантов, и физиогномически, и ментально абсолютно угаданный. Например, он дарит мальчику не щенка, а его чучело; в целом мутанты, ведомые этим непреклонным вождем, подрывают основы человеческой цивилизации. В итоге люди убивают себя по его сигналу, команде. И если во всем остальном Юфит попал в десятку, то, надо полагать, и тут он недалек от истины. Кто будет искать этот хоррор, предупреждаю: это на любителя, некрореализм. Но суть нашего времени описывает идеально.

Недавно визионер (как его аттестуют его же пиарщики) и духовидец Дерипаска сказал в Красноярске: «Я уверен и до этого был, что интересы России в будущем лежат в Азии. Рядом экономика 18 трлн только в Китае; если вы приброс ите все остальные цифры, это гораздо больше Европы и с другим динамизмом. Наша упертость на Запад — ну не хотят они нас, ну надо забыть уже. И построить еще одну страну здесь, дать возможность ее построить на других условиях. К сожалению, дальше Братска двинуться не можем — нет инфраструктуры. [...] Зачем нам столица в Москве, если все интересы у нас в Азии? И другое время подлета ракет, и все остальное. Вообще по-другому будет смотреться, если она будет находиться в Новосибирске, Красноярске».

Эту речь восприняли с одобрением, в том числе губернатор географического центра России, повторяя, что именно Сибирь теперь может стать новым центром развития страны.

А еще в 2011-м в День России в Кремле вручали госпремии. В ответ среди прочих выступил доктор философских наук Артем Кобзев: «Моя благодарность несказанная, поэтому я скажу о своей мечте. Слыша в нашем гимне о хранимой Богом родной земле, я вспоминаю, что Святая Русь в XIII веке входила в единое государство с Китаем. И наше особое отношение отражает само название — Китай, отличное от принятых на Западе...» (по стенографическому отчету с президентского сайта). Монголо-татары в XIII веке захватили и русские княжества, и китайские государства Цзинь и Сун, и этот факт действительно можно интерпретировать как объединение нас с Китаем в одно государство. Речь не о взглядах ученого, а о том, что это было произнесено в день национального праздника не где-нибудь, а в Кремле — тоже при вполне благосклонной реакции.

Ну так, может, учитывая эти восхитительные речи, и нет никах патологий, а есть здоровый консерватизм и следование традиционным ценностям — ордынским? Как номады-степняки, кочевники-тюрки да и монголы хоронили ханов? Со слугами и служанками, нарядными красивыми девушками, золотом и серебром, оружием, с оседланным конем, кобылой и жеребенком. Вождь уходил, забирая с собой под землю не весь, разумеется, народ, но кто-то же и там прислуживать ему должен, как-то любить и сражаться он должен и там. Ближе к нашему времени так кончали некоторые тоталитарные деструктивные секты — коллективным суицидом.

«А поутру с похмелья пошли к реке по воду, / А там вместо воды — Монгол Шуудан». Россия давно уже уходит от утомившей раздвоенности — ну так кто помешает снова решить, что ты самодостаточен, первый парень на деревне, в реальности же опять лишь принимая решение в пользу Византии, а не Рима, Орды, а не Европы. Где та Византия, где Орда — обеих погубили чума, смуты, неумение эволюционировать. Трудно сказать, больше нам повезет или меньше, если Китай будет прочней.

Пока, видимо, нас ждут тяжелые испытания, описанные в донесениях францисканской миссии (Карпини) XIII века, в том числе о погребальных обычаях Орды: «Иной также способ существует для погребения некоторых знатных лиц. Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и с боку этой ямы делают яму под землею и кладут под покойника того раба, который считается его любимцем. Раб лежит под ним так долго, что начинает как бы впадать в агонию, а затем его вытаскивают, чтобы он мог вздохнуть, и так поступают трижды; и если он уцелеет, то впоследствии становится свободным».

Меж тем военно-патриотическое творчество масс стало заметно скисать. Уже без огонька. То ли фитилек притушили, то ли внутренние тормоза вдруг обнаружились. Уже постпатриотизм: глумление подчас, а не верноподданничество, и почти всегда — показуха.

С затянувшимися восторгами 2014-го — никакого сравнения.

В последнее воскресенье в Красноярске автопробега или вовсе не было, или сдили патриоты уже молча, не ставя миллионный город на уши. В других городах края эта акция, раньше удивительно многочисленная (в маленьком Назарове выехало более ста машин), тоже иссякает, причем в соседнем с Назаровом Шарыпове отделению ЛДПР власти просто отказали в ее проведении (уже повторно), на что поднялся вой о «пятой колонне» в рядах администрации.

Ну примерно как с похоронами. Начиналось, напомню, с Усса, с видео развевающегося триколора, с сообщений по всем каналам и рупорам.

Вот и окна зажигают, складывая Z, снимают, фото отправляют заказчику, и — забывают повторить, воодушевления ноль.

Состояние аффекта по определению не может затягиваться. Такое сгущение шизоидных противоречий, психоз и самоповреждающее поведение должны чем-то закончиться.

Наверное, и в 30-е годы прошлого столетия, да и раньше, глядя, как у страны вновь вырастает скорпионий хвост, жалящий ее саму же, кто-то думал то же и так же. И потом дописывал со знаком вопроса: или он с Россией навсегда?

Алексей ТАРАСОВ, «Новая»

P.S. ***Пока текст верстался, стало известно еще о двух солдатских похоронах в крае. Администрация Богучанского района выразила соболезнования бабушке и брату 19-летнего рядового, стрелка-помощника гранатометчика Дениса Фесенко, родившегося и жившего в поселке Манзя. Газеты «Городские новости» (администрации Красноярска) и «Власть труда» (Минусинского района) также сообщили о похоронах в Красноярске ефрейтора Луки Черных, уроженца Минусинска, ему было 22 года. Администрация Большемуртинского района, где Черных жил до службы в армии, о гибели солдата на своем сайте не говорит ничего, а в соцсетях — мимоходом. Здесь полно снимков со взрослыми и детьми, позирующими со всякими зигзагообразными символами, и о смерти Луки Черных сказано в конце поста об очередной акции «Своих не бросаем» в Предивинской сельской библиотеке: юные читатели, стоя с Z, почтили солдата минутой молчания. Смерть здесь лишь повод для выражения патриотических чувств.***

25 МАРТА МИНОБОРОНЫ ВПЕРВЫЕ ОБНОВИЛО ДАННЫЕ О ПОТЕРЯХ: 1351 УБИТЫЙ И 3825 РАНЕНЫХ.

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, БЕСПЕРЕБОЙНЫЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ

Интервью профессором НИУ ВШЭ Ириной Бусыгиной об участии вузов в «спецоперации» и конце социальных наук в России

Ирина Бусыгина — российский политолог, профессор, доктор наук. Пятнадцать лет она проработала в МГИМО и ушла из этой цитадели «внешнеполитической экспертизы» после Крыма, когда, по ее словам, почувствовала изменение в отношении коллег к тем, кто не согласен с решениями Кремля. В последние годы Бусыгина работает в Высшей школе экономики и возглавляет Центр сравнительных исследований власти и управления в Санкт-Петербургском кампусе университета. Поводом для нашего разговора стало «письмо ректоров» в поддержку «спецоперации»: Бусыгина одна из немногих российских профессоров, открыто выступивших против этого письма.

— Обращение Союза ректоров России от 4 марта поразило меня до глубины души. Там, конечно, терминальное единение большей части сообщества академических начальников вокруг «спецоперации», вокруг понимания образования как «государственного дела». Как вообще такое стало возможным?

— Для меня это было не только возможно, но и, увы, ожидаемо: стоял только вопрос, чем они ограничатся. До этого было еще одно обращение, более мягкое, что-то в духе «миру мир». Меня интересовало, как выскажется моя администрация, то есть Высшая школа экономики.

С большой долей вероятности это не была инициатива самих ректоров, потому что добровольно позориться до такой степени они вряд ли хотели. Фактически в письме написано о том, что такое российский университет: это структура, обслуживающая государство и армию. Предполагаю, что это была директива сверху, когда у потенциальных подписантов есть только один безопасный выход — подписывать.

Одни, наверное, подписывают подобные вещи просто потому, что нет морали вообще. Другим это тяжело. Но тем не менее тут задача сделать это «хором». Я политолог и думаю в рациональных терминах: власти нужно было, чтобы подписали все. Задумано и исполнено именно как массовая акция.

Что кажется мне принципиально важным? Человек начинает объяснять самому себе: почему я это подписываю? А потому, что иначе меня вынудят уйти. А я не хочу. А почему я не хочу? Тут начинается убеждение самого себя (это почти всегда не очень трудно). Ведь не ради себя я не хочу уходить, а потому, что у меня есть ответственность перед студентами, я же должен обеспечивать им бесперебойный учебный процесс.

И дальше: в таких тяжелых условиях, когда сам президент, сосредоточившись и раздумывая о судьбах отечества, принимает тяжелое решение, надо пойти на это нелегкое решение и мне. Подобные рассуждения так понятны, но от этого не менее циничны.

Когда кто-то начинает говорить себе (особенно в нынешних условиях): «Я должен обеспечить бесперебойность учебного процесса. А ведь если я уйду, как обеспечить бесперебойность. Я же умею ее обеспечивать. Я же хороший менеджер».

Можно повернуть еще и так: «Если я не подпишу и меня уволят, кому будет лучше? Да никому не будет, всем будет только хуже. Я же отвечаю не только за студентов. Я отвечаю и за коллектив преподавателей».

И вот идет такая спекуляция словом «ответственность», спекуляция тем, что называется «университет».

Для меня «университет» — это не Анисимов, это не Кузьминов, для меня университет — это я (понимаю, звучит нескромно), это мои коллеги. И то, что говорят и делают мои коллеги, мне в сто раз дороже, важнее, чем то, что говорит моя администрация. Студенты идут в университет не потому, что там работает ректор Анисимов, а потому, что там работают преподаватели высокого уровня. Я вообще сторонник настоящих университетов, а не тех, которые «должны сплотиться вокруг». Мне кажется, что настоящие университеты — это невероятная ценность. Невероятная ценность — университетская культура, университетские взаимоотношения. А если вы начинаете воспринимать университет исключительно как место предоставления образовательных услуг...

— Садовничему — главному подписанту письма ректоров — тоже термин «услуги» не нравится. Он считает, что университет — это служение, — тут у меня какие-то ассоциации с казармой возникают. Эта критика так называемого неолиберального университета идет с нескольких сторон.

— А я и не говорю, что университет — это не «место предоставления услуг». Я скорее говорю, что нельзя университет к этому сводить, это вредно. Я бы сказала, что я делаю принципиальное различие между бизнес-школой и университетом. В бизнес-школе действительно оказывают услуги: там люди практико-ориентированы, там учат делать проекты и там учат компетенциям. Университет — все-таки то место, которое тебя «форматирует» (в хорошем смысле этого слова, а не в смысле служения и казармы), так что — извините за такой пафос — научаешься думать, и это становится неотъемлемой частью тебя. Университет — это много креативных (и при этом разных!) людей рядом, в постоянном общении. А в понятии «служение» есть не только какая-то неразборчивость, но и угрюмость. А университет — место веселое.

> «ЭТО БУДЕТ ИМЕННО НЕВЫНОСИМАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ. И СООБРАЖЕНИЯ О ТОМ, ЧТО МЫ ПЕРЕСИДИМ. НАВЕРНОЕ, КТО-ТО ПЕРЕСИДИТ. НО КАКОЙ ЦЕНОЙ?

— Если говорить прямо, что с вами не так, Ирина? Почему вы себя не ведете как нормальный российский преподаватель? Нормальный российский преподаватель сейчас хочет переждать. Он, может быть, все понимает про мораль и про то, в насколько скотском положении оказались эти ректоры и университеты, которыми они руководят. Но они сейчас просто хотят взять паузу, посмотреть, как все будет происходить, может быть, даже украинским беженцам помочь, но не высказываться публично.

— А я думаю, что со мной все «так». В свое время я ушла сама из МГИМО, чуть позже Крыма в 2014 году, и не потому, что что-то сказал ректор Торкунов, — то, что скажет ректор Торкунов, мне было понятно, — а из-за того, как стали вести себя мои коллеги. Ведь репутация преподавателя (и ученого, по крайней мере в социальных науках) определяется не администрацией, а теми, кто работает рядом со мной на кафедре, на факультете. Моя репутация зависит от их репутации.

И вот постепенно мне стало страшно, что, продолжая работать в МГИМО, я буду все больше приближаться к «общему знаменателю», а самое страшное то, что этого даже не замечу. Вы понимаете, что я имею в виду? То есть я просто с ними стану сближаться, сближаться, сближаться и потом стану такой же. И даже не замечу этого. И вот так я превращусь в труху, просто в груду трухи, которая вообще никому не нужна.

Вот такая еще мысль: если сейчас человек ведет себя «девиантным» образом, то, скорее всего, он и раньше вел себя так. Повторяемость «девиантных» решений помогает. Мне помогает то, что на сделки я старалась не идти никогда. Возможно, это не всегда получалось. Но я старалась.

На самом деле это может быть даже выигрышной стратегией, с тобой просто перестают связываться. Это способ выживания в среде, которая, так скажем, тебе сильно противостоит, а другой у тебя нет.

У нас всех шкуры разной толщины. Кто-то может сказать «надо переждать» (как я называю эту тактику коллег, «я в домике»). Или «не надо паниковать». Паниковать — всегда плохо, да, но исходить из того, что можно «переждать», по меньшей мере наивно. Наивно рассчитывать, что от университетских преподавателей не потребуется стопроцентной лояльности, выраженной в содержании курсов и статей. Отмолчаться не получится. Курс взят, это однозначный курс, предельно четко прописанный в письме Союза ректоров. Поэтому позицию «я в домике» я искренне считаю неверной.

Отвечая на ваш вопрос, что со мной не так, я не стану говорить: «Просто я смелая и не могу молчать». Я и не смелая, и, наверное, молчать могу. Просто мне кажется, что молчать глупо: это ничего не дает.

— Это важный аргумент. Я, в общем, тоже его придерживаюсь. Возможно, кто-то из наших читателей поставил бы вопрос так. В чем в конечном итоге проблема позиции условного ректора Анисимова? Он простой чиновник, которого наняло государство, чтобы организовывать учебный процесс. Государство ведет «спецоперацию», и ректор Анисимов говорит: «Я лоялен своему государству». Где здесь непоследовательность?

— Ваша линия аргументации очень простая. Она делает личность плоской, в том смысле, что для него есть абсолютное, стопроцентное указание: «Если я ректор государственного университета, я придерживаюсь государственной позиции». Тогда опять-таки непонятно, зачем это заявление было сделано, если и так все понятно. Зачем еще раз расписываться в этом, зачем эта избыточная лояльность? Но, предположим, попросили (в смысле, однозначно указали на необходимость). Однако при этом и ректор, и университет теряют свою субъектность.

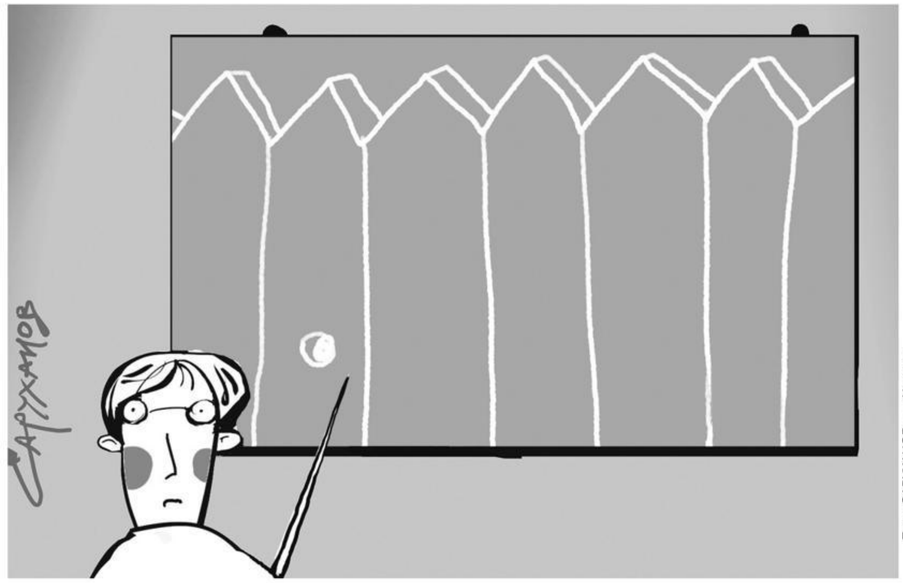
Тогда у нас есть вертикально интегрированный холдинг, который представляет собой университет. Я могу понять, почему Академия госслужбы или госслужащие должны это поддерживать. То есть ты работаешь на государство, получаешь зарплату от государства. Но тогда мы опять считаем, что университет ничем не отличается от госслужбы и мы все не более чем государственные чиновники. И мы приходим к тому, что бюрократы, например, плодят планы и отчеты, а мы бесперебойно и беспрерывно «оказываем образовательные услуги». Служение, так сказать.

Являются ли университеты автономными субъектами? Конечно нет. И тогда у нас получается, что различия дискурсов внутри университета тоже нет и не предусмотрено. И возникает резонный вопрос, чему мы учим и зачем вообще нужны социальные науки.

— Ну как же, мы в этой логике учим примерно тому же, чему учили во времена марксизма-ленинизма, только без марксизма и без ленинизма. «Начальник всегда прав», «Мы идем правильным путем», такого рода научные истины.

— Если без марксизма и без ленинизма, то что остается? «Мы идем правильным путем» — этому не нужно учить, это же вопрос веры (к университетам не относится).

Знаете, какая еще «фишка» с этим письмом? Она связана с проблемой коллективных действий (это социальная дилемма, когда все участники выиграли бы от сотрудничества, но не способны к этому сотрудничеству из-за различий и конфликта интересов). Вот что важно: подписывают или все, или никто. Я уверена — я на этом слове, пожалуй, настою, — что, если бы довольно существенная группа подписантов этого письма отказалась его подписывать; если нельзя было бы достичь полного охвата, как у нас это обычно нужно (все в едином порыве, так сказать); если бы вот этого «единого порыва» не получилось сделать; если бы они смогли скоординироваться на слове «нет», ну не сняли бы всех. Не сняли бы всех ректоров просто для того, чтобы не плодить хаос и не показывать, что у нас нет общей линии. Власть можно было обыграть (или, по крайней мере, с ней сыграть).

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Вот что меня пугает: когда есть шансы повернуть ситуацию в свою пользу, у нас все равно не используют эту опцию. Почему? Вот просто потому что она власть?

— А что если у подписантов, у того же Анисимова, может быть, и нет моральных сомнений? Может быть, он так и думает?

— Вот как раз ректор Анисимов должен был бы избегать этой подписи изо всех сил. В результате Вышка окажется самым пострадавшим из всех российских университетов. Потому что в ней сколько преподавателей работает, точнее, работало, по международному найму? Теперь эти люди пишут письма протеста, очень сильные письма — и уезжают. Вышка разрушает то, что кропотливо создавала долгие годы и с большим трудом, разрушает свою репутацию.

Потери ВШЭ (и ректора Анисимова) асимметрично, диспропорционально большие в сравнении с другими российскими университетами. Потому что весь университет был выстроен вокруг интеграции в глобальное образовательное пространство. А, вы меня извините, глобальное образовательное пространство — это в основном западное образовательное пространство, по крайней мере в социальных науках, хотим мы этого или нет.

Для меня важен вопрос: почему я должна гнуться перед властью? На каком основании? Я думаю, что я не глупа, я хорошо делаю свою работу, я столько книжек прочитала, я много знаю. Так зачем мне это?

— Означает ли наш разговор, что в России социальных наук больше не будет, потому что от них остается только тезис о том, что начальник всегда прав?

— Я боюсь, что да. От них мало что останется. Я не знаю ни одного примера страны — ни большой, ни маленькой, ни средней, — которая при международной изоляции сумела бы выстроить конкурентные социальные науки. Таких примеров нет. Можно было бы привести в пример Советский Союз, когда благодаря чудовищным государственным вливаниям, за счет всего остального вы делаете науку по направлениям ВПК и космоса. Это очень селективно, это такие пузыри, которые вы себе надуваете. При этом у вас социальная наука фактически отсутствует. Она просто превратилась в набор штампов из научного коммунизма.

Я думаю, что очень скоро появится большое количество российских журналов по социальным наукам, ведь теперь надо публиковаться по-русски, а российских журналов, например в моей области, мало. Появится большое количество плохих журналов. Потому что сделать хороший научный журнал — это очень долго и сложно, это нельзя сделать посредством кавалерийских атак и разного рода указаний. Я член нескольких редакционных советов, я часто пишу рецензии, поэтому немного знаю об этом.

Вот сейчас наоткрываются такие журналы, как грибы. Сделать их хорошими — много и быстро — не получится. А поскольку стимулов публиковаться в англоязычных журналах больше нет, то все туда ринутся. Ну не все, останутся единицы, которые будут все равно писать по-английски, но именно единицы.

В новые журналы пойдут аспиранты, у них просто не будет другого выхода.

Процесс «слепого» рецензирования, видимо, загнется. Ну и, значит, о качестве исследований, представленных в статьях, говорить не приходится.

— Слушайте, опять же, наши так называемые патриоты что говорят? Что самое главное — это ценности. Вот эти все peer review, журналы — это все хорошо, но главное, что есть в современном социальном знании, — одна сплошная антироссийская пропаганда и отрицание нашего величия, критика наших мудрых решений. А мы на самом деле любим нашего президента, и вокруг этого ядра и строится наша российская современная наука. Разве они не правы?

— Сейчас вот я скажу «конечно, они правы», а вы удивитесь. Нет, давайте все-таки будем отделять. Понимаете, я не знаю такую ценность, которая называется «любовь к президенту». Любовь — это чувство. Можно его испытывать, наверное, к президенту как к человеку, почему нет? Я никогда не испытывала, поэтому мне сложно сказать, нет своего опыта. Ценностью для меня может быть не любовь к президенту, а, например, президентская система как таковая, если я считаю ее лучше парламентской.

Слово «ценности» в России фактически приватизируется: у нас есть, а у них нет. Между тем западный дискурс весь пронизан ценностями. Говорить о том, что там нет ценностей, — это просто смешно. Просто они, во-первых, другие и, во-вторых, по-другому понимаются, и, в-третьих, их ценности допускают разнообразие дискурсов, а наши ценности — нет. И меня это смущает. Меня смущает в подписи ректора Анисимова, что мне кто-то говорит, как надо думать. Я сразу спрашиваю: «А почему? А зачем? А объясните, я опять не поняла». И вызываю у таких людей законное раздражение, потому что они не любят ничего объяснять. Они считают, что есть какой-то незыблемый консенсус вокруг не пойми чего. С моей точки зрения, это, помимо прочего, не разумно.

Я никогда не понимала российскую власть, когда она со страшной силой молотила этими «ценностями» по гражданскому обществу, по оппозиции. Это странная и неверная линия — стараться полностью искоренить инакомыслие.

То же самое с этой «спецоперацией»: какая-то страшная преувеличенная реакция. Вас еще не ударили, а вы уже идете (...), исходя из того, что у кого-то были какие-то враждебные мысли.

Это попытки предотвратить даже то, чего нет. Наносишь колоссальной силы удары, громя все, не понимая, что более гибкие реакции принесли бы гораздо больше в смысле политического выживания и дальнейших перспектив.

А построить патриотические социальные науки невозможно. Можно создать новую веру, новый культ. Но это все не может называться «наукой» просто потому, что не предполагает процесса познания. Там нечего познавать.

— Есть тенденция к тому, что никаких социальных наук нашему государству на самом деле не нужно. Мы несколько дней назад опубликовали в «Новой» комментарий к тому, что в педагогических вузах сокращаются гуманитарные дисциплины. Кажется, что процесс запущен, и мы будем страной без социальных наук.

— Да! Но мы будем страной без много чего. С некоторой точки зрения это вообще безумно интересно: а вот без чего можно жить? Ведь в СССР тоже был эксперимент, без чего можно жить, но тогда мы не знали, что это существует. А теперь знаем.

Но интересно: жизнь без социальной науки, без конкурентной науки и вообще, по-видимому, без конкуренции... а на чем это все держаться будет?

Эта система, она же должна себя содержать и поддерживать в условиях враждебного внешнего окружения. Как это будет происходить?

Когда мы думаем о том, какая будет наука, какая будет педагогика, какие будут журналы, у меня возникает вопрос: а это все будет? Оно будет? Потому что нужен же какой-то фундамент, чтобы оно все жило.

— Ну можно имитацию делать, потому что, я думаю, большинство людей не очень понимают, в чем отличие научного журнала от имитации научного журнала.

— Я не про это говорю. Мы с вами исходим из того, что система сохранится. А у меня вообще-то есть на этот счет большие сомнения. И тогда мне интересно, в какой среде я буду существовать. Где будут существовать эти псевдожурналы и псевдоуниверситеты.

— Как вам кажется, что российские преподаватели, которые в нашей ситуации оказались, могут делать сейчас?

— Боюсь, что хороших опций у них нет. Ну так получилось. Их просто нет. Я большой оптимист, я хотела бы, чтобы они были, потому что для меня это не просто преподаватели. Я думаю про них как про своих друзей. Но нет опций таких, которые не содержали бы потери, и потери большие.

Если эти преподаватели отсюда уезжают (куда бы они ни уезжали) — это потери одного рода: это разрывы с частью семьи, это потери финансовые и так далее. Нам понятно, что в охоте за интеллектуальными и преподавательскими головами мы стоим далеко позади украинцев. Лично у меня никаких претензий нет. Наши мелкие проблемы ничего не стоят по сравнению с тем, что там происходит. Когда мне говорят «ах, я страдаю», «я впервые узнал, где у меня сердце», я не сентиментальна — я над этим не могу плакать.

А есть потери другого рода. Это потери принятия на себя обузы этой невыносимой лояльности. Это будет именно невыносимая лояльность. И соображения о том, что мы пересидим. Наверное, кто-то пересидит. Но какой ценой?

Полная версия на сайте «Новой»

Кирилл МАРТЫНОВ, «Новая»

волны памяти

Влад ДОКШИН — «Новая»

ЭХО ПУСТЫХ КОРИДОРОВ

Радиостанция «Эхо Москвы» покинула помещение редакции, откуда вещала более 26 лет. Ирина Воробьева — о том, почему эти стены на Новом Арбате — легенда

Меня попросили написать колонку о том, как редакция «Эха» покидала свой офис. Скажу честно, приходится искать слова. Потому что когда видишь раскуроченные студии, пустой без знаменитой фотогалереи коридор и «просто кабинеты» — оказываешься в ледяном космосе.

«Эхо Москвы» начиналось в маленьком офисе на Никольской. И спустя несколько лет редакция переехала на Новый Арбат. В помещение, которое представляло собой длинный коридор с разными по площади комнатами. Когда я пришла работать на радиостанцию в 2007 году, поразилась, что это какой-то большой разнообразный улей, который вообще не затихает и не останавливается.

«Когда мы переехали в новое, огромное, шикарное помещение, Сережа Корзун задумал ввести дресс-код. Было лето. Ну ладно, надели всё приличное: рубашки, пиджаки... И вдруг из отпуска возвращается ничего не подозревавший Владимир Варфоломеев... Загорелый, в шортах, сандалетах. Корзун увидел, сказал «тьфу», и стали мы жить без дресс-кодов, цирлихов и манирлихов, долго и по-всякому», — вспоминает первый заместитель главного редактора «Эхо Москвы» Сергей Бунтман.

Вообще называть их «бывший главный редактор» или «бывший первый зам» не получается. Какие-то люди так решили, а мы сами разберемся.

«Когда несколько раз делала «обход» «Эха», заметила: сколько у нас было словарей... В каждой комнате, на каждом подоконнике...» — замечает ведущая рубрики «Во саду ли, в огороде» Елена Ситникова. Да, словарей действительно было море. И они все выглядели так, будто в них смотрят буквально на каждой смене. Но в ударениях мы все равно ошибались.

На стенах в кабинетах или студии висели какие-то свои напоминалки. Правильное ударение в сложных фамилиях, приказы главного редактора, но самая классная висела на двери студии: «Не матерись! Все, что сказано в студии, может попасть в ютуб! Интернет помнит все!» Эта надпись появилась после того, как трансляцию не переключили, а в студию пришли техники, которые об этом не знали.

В службе информации все еще стоят старые телефонные аппараты. Самый страшный — красный. Считалось, что номер телефона знал только Алексей Венедиктов, и звонки с него нужно было брать моментально и всегда. Когда появились телефонные спамеры, у выпускающих редакторов каждый звонок на этот аппарат забирал сотню нервных клеток. Но были и смешные истории.

Анна Трефилова, журналист «Эха»: «Венедиктов в командировке. Звонит из аэропорта регулярно, интернета там нет, Алексей Алексеевич задает вопросы по новостям. Каждый вопрос — как ножом по сердцу. Не готовы. Панически ищем ответ на лентах агентств. И вот десятый звонок примерно. Мы подготовились, на все вопросы готовы ответить. Венедиктов: «А что там...». Алена Степаненко (выпускающий редактор), перебивая и радостно отчитываясь: «В Чечне? Там то и то». Венедиктов: «А что...». Степаненко, опять перебивая: «Курс такой-то, в администрации сказали это...» и т.д. Наконец Венедиктов, уже крича: «Какая погода в Москве?!» Пауза. Мы не готовы».

В корреспондентской всегда был бардак, и ни у кого, кроме спортсменов, не было своего компьютера. Пришел, занял какой-то, работаешь. Зато у корреспондентов был настольный хоккей. Матчи проходили в «свободное» от работы время, которого на «Эхе» и не бывало почти. Играли все или почти все, орали так, будто смотрят чемпионат мира, в той же комнате работали, ели, ругались, торопились успеть к выпуску новостей и вечно сражались за «включить или выключить кондиционер».

В знаменитом коридоре редакции сняли все фотографии. Сняли, оцифровали и сберегли.

У кабинета Алексея Венедиктова сняли рынду. Она там висела с 2010 года, когда были большие пожары и какой-то интернет-пользователь написал гневный пост, финальная фраза которого была: «Верните мне [нецензурное слово] мою рынду, суки, и заберите свой телефон [нецензурное слово]». Каждый, кто приходил на «Эхо» впервые, хитро спрашивал, можно ли позвонить. Звонила она мощно.

Из редакции уехали книги. Книг было невообразимое количество. Основными очагами распространения были два кабинета — Венедиктова и Бунтмана. Некоторых гостей эфира из-за этого было крайне затруднительно выгнать из редакции после окончания программы. А гости в нашей редакции были максимально разные. И всем здесь были рады.

На этой неделе мы забрали все свои вещи и покинули офис «Эха Москвы» на 14-м этаже высотки на Новом Арбате. За эти 26 лет здесь каждый день происходили истории, которые сложились в нашу общую память.

В среду, 22 марта, был финальный день — больше мы в редакцию не вернемся.

27 марта вручают золотые статуэтки «Оскар». В обычной ситуации мы следили бы за тем, как российский номинант Антон Дьяков пересекает океан, чтобы участвовать в церемонии, представляя свой фильм «Боксбалет», увенчанный уже многими наградами. Но за время «спецоперации» Антон Дьяков успел снять картину «Горю!», в которой выразил эмоциональное состояние от того, что происходит. Оказывается, Апокалипсис может быть смешным. Человек случайно поджигает себя, прикуривая во дворе блочного дома. Его спасают? Нет. Потому что все заняты собой. Тетка в бигудях не оторвется от ток-шоу с истерикой и дракой, молодые перед поцелуем стремятся сфоткать живой факел, поп на мерсе — перекреститься. «Горю!» — фильм про нас. И когда его показали на Суздальском фестивале, молодежь завопила, зааплодировала — им нужен был этот фильм.

Номинант на премию «Оскар» Антон ДЬЯКОВ — о том, почему мы горим

НИЖЕ ДНА НЕ УПАДЕШЬ

Фото из личного архива

— Твои картины чаще всего строятся на парадоксе — смысловом, визуальном. Как в «Боксбалете», где соединяются груда мышц и воздушное фуэте. Как в «Косте», черной комедии про скелет, который выбрался из могилы, чтобы пожить среди людей. Да не смог — его убили случайно... много раз. Тебя привлекает «взаимосвязь несовместимостей»?

— Разумеется, для себя я не формулировал задач сталкивать полярности. Но тут недавно всплыла у меня такая мысль, что ожидаемым эмоциональным откликом на «Боксбалет» будут «смешанные чувства». И финал фильма двойственен: то ли хороший исход, то ли катастрофа. Хотелось бы, чтобы зритель застрял на этом перекрестке противоположных дорожек.

— Финал фильма «Боксбалет» вроде бы хеппи-энд, но появляется телевизор: «Лебединое озеро», танки и Ельцин. Телевизор является одним из главных героев новой картины.

— Да, действительно, без телевизора никуда, вечный возбудитель низменного... Помню, приезжал к бабушке, сижу в своей комнате, работаю, а через стенку все эти вопли ток-шоу. Время идет, герои меняются, я приезжаю и уезжаю, а там истерика одна и та же. Это отравленная пища для миллионов мозгов.

— Однако самые смешанные чувства вызвал фильм «Горю!» — смех сквозь слезы.

— Это и в сценарии было, мне продюсер сразу сказала: «Ты замер между хохмой и ужасом». Хотелось такого именно сейчас. Последние годы я наездился по фестивалям, смотрел много европейских картин. Увидел, что подавляющее большинство авторов сильно сконцентрированы на ковырянии в себе. А во мне все протестовало: да бросьте вы себя, любимого, «я такой невозможно сложный, глубокий, уникальный». Конечно, могу оценить качество подобных работ, если они сделаны талантливо. Но «Горю!» — реакция на эскапизм — фильм, который не хочет быть вещью в себе, призван активно взаимодействовать со зрителем, теребить его, это камушек острый ему в ботинок. Хотелось эмоцию разогреть, вызвать смех, эмпатию или ужас.

смотрите, кто

«Боксбалет»

«Горю!»

— Все твои картины пробиваются к зрителю, почерк автора угадываешь по первым кадрам. Наша некоммерческая анимация сегодня поляризуется на артхаус и детскую, которую активно поддерживает государство. Кажется, что изолирование, побег авторов от аудитории в фестивальные сферы — тенденция неверная, в какой-то степени она ответственна за фатальное сокращение умной аудитории.

— Согласен. Но не стал бы говорить, что это вредно. Все-таки художники, авторы, видимо, должны были пройти этот период. Это как поход к психоаналитику. Раз в жизни можно себе позволить: придешь, вывернут всего тебя, заглянешь в эту бездну — внутрь себя, всю эту интровертность отыграешь на экране. Потом может произойти выдох. Сейчас еще больше утверждаюсь в этом, глядя на кошмар, который вокруг. Кажется, что в этом безнадежном хаосе, если внимательно приглядеться, зачатки будущего гуманизма какого-то ...

— Да ладно...

— Во-первых, ниже дна не упадешь. Во-вторых, люди никогда так не расположены к гуманистическим идеям и мыслям, как после большой крови. Вспомни историю, историю культуры, всплеск мирового кинематографа после Второй мировой, все эти киношколы, неореализм, «новые волны». Востребован гуманистический посыл: внимание к отдельному маленькому человеку... после адской войны.

— Но она была справедливая, та война, поэтому, быть может, гуманизм в людях и просыпался.

— Сейчас все сложнее, но не устаревает же банальная мысль, которую политики никак не усвоят — про отсутствие победителей в любой войне. Она бьет во все стороны. Мой дед, недавно ушедший, как и множество ветеранов, не хотел говорить о войне. Для него она была не наградами, а болью. Говорил, что война — последнее, что нужно людям... последнее. Я же алматинец, там родился, там вырос. Прадеда моего туда отправили поднимать торговую промышленность. Бабушка — дочь «врага народа», из Томска бежала в теплые края. Вообще, в роду интересные люди. К примеру, Абрам Борисович Дьяков, легендарный пианист, замдиректора консерватории московской. Тридцати не было — ушел на фронт с ополченцами. У него была бронь по должности, мог уехать, но пошел со своими студентами... А если про просветы, я же видел реакцию молодых на свой фильм, яркую, эмоциональную, горячую. Значит, в этом есть потребность, значит, не зря...

— Ты говорил, что новость об оскаровской номинации тебя, как мешком сахара, прибила. Ты стал калифом на час: всем был нужен, звонили со всех концов: «Расскажите о ваших чувствах, Антон!»

— Если без кокетства — конечно, приятно. Но, когда это все наваливается разом, к этому готовым точно невозможно быть. Я понял, что это нездоровая ситуация. Вот выхожу из душа и вижу, что телефон уже на полу, он от звонков упал. И сразу: «Что вы чувствуете?» Да я на ваш звонок отвечаю, твержу дежурные глуповатые слова «Ай эм хеппи, ай эм вери хеппи!». Дайте мне время почувствовать. Ты сидишь, работаешь, своего Буратино вытачиваешь годами. А тут вдруг на щелчок твой телефон лопается от звонков, сообщений. Ты всем нужен, всем есть дело до твоих чувств. Понимаешь, что, в общем, люди как люди, ничто не изменилось в их отношении к тебе, всем пофигу. Ты просто инфоповод.

Но проходит недели две после этого потока звонков и писем и думаешь: «Да, оказывается, это важно», — и начинаешь класть это ощущение в копилочку сердца. Словно мир тебе выписывает какой-то кредит доверия.

— А потом сам мир рушится на твоих глазах, и думаешь, что делать с этим кредитом?

— Это тоже вопрос. Трясешься вначале, какой-то мандраж: боже мой, это что, перелом моей жизни? Что-то со мной должно произойти? Но просыпаешься в том же теле, в той же кровати, с тем же ворохом дел и проблем. Зато мне написали прекрасные письма легендарные режиссеры Джоанна Квин и Джон Маскер, создатель «Аладдина» и «Русалочки». Джон мне говорит: «Приезжай ко мне, со студентами познакомлю, чай попьем...» Как же это было бы здорово. Я в Америке не был никогда, а тут такой повод и возможность заехать к стопроцентным классикам. Но сейчас ситуация не располагает к «Оскару», у людей столько горя.

— Но ты снял «Горю!», а его премьеру посвятил всем людям, которые сегодня оказались в беде. С одной стороны, вроде бы универсальный сюжет про бесчувственный мир, и в то же время очень российский. Где народ, церковь, защитники и бог в виде телевизора. Фильм, как удар под дых. Долго ты его делал?

— Не знаю, года полтора с перерывами. У меня проблемы были и со здоровьем, и дед мой умирал, и эта вся пандемия, и еще личные нерешаемые вопросы... Все пересеклось в одной точке. Я даже был изумлен — как так может быть: со всех сторон сыплются беды, причем серьезные. И думаешь: все, как в плохой пьесе, — выходят проблемы одна за другой по порядку. В каких-то урывках я просто садился с холодным носом за аниматик, какие-то механические движения делал, но... Если не куражит, азарта нет, то и энергией фильм не наполнишь. Ребята, которые помогли сделать фильм — хотя никаких договоров не было, это был дружеский жест, — они меня поддержали. Сроки поджимают, звоню, «господи, что наврать им, чтобы смягчить удар». В итоге говорю как есть, что ничего не могу делать. И продюсер Сана Моро говорит: «Слушай, успокойся, все нормально. Мы к тебе пришли, потому что нам нравится то, что ты делаешь, и здесь все по любви. Приходи в себя, если что, поможем».

— С одной стороны, ты лечился от своих проблем анимацией, а с другой — почти полтора года прожил вот в этом аду, с выгорающим живьем человеком на глазах у всего мира. Это же тяжело очень.

— Есть такой момент. И, наверное, делать такой фильм в такой драматический момент действительно странно. Удивительно, что этот синхрон произошел — моих личных переживаний и того, как вовне тучи сгущаются, и начинается весь этот шторм.

— Скажи, а почему в анимации последнего времени социальный темперамент, морально-этические терзания авторов — как было в фильмах Норштейна, лучших фильмах Бардина — мало востребованы?

— Наверное, часть людей воспринимает это как архаику, нечто отжившее... Особенно в эпоху «новой этики». Мне все хочется спросить: «А что со старой? Она утонула?» Этика — понятие вневременное. Но так говорить не принято, станешь похож на брюзжащего старика. Мне кажется, всегда нужно и можно говорить о простых вещах, не опасаясь тривиальности. Просто надо иметь ключ, личную подключенность и понимание, что киноязык на месте не стоит.

— Да и смотрим мы кино другими — в зависимости от обстоятельств — глазами. И сейчас «Горю!» смотрится совершенно по-новому.

— Думаю, случившееся после 24 февраля на всех нас повлияло. И ядро моего кино очень совпало со временем, его ощущением. Но мне хочется сказать, сколь важна роль в фильме у музыки. Это замечательная украинская группа «Гибкий Чаплинъ», коллектив бродячих музыкантов. Сана прислала их музыку, я послушал и нашел абсолютно все, что нужно было для фильма — по динамике, темпу, настроению, смыслам. У них тексты абсурдистские, музыка во многом экспериментальная, но точная и эмоциональная. А одна строчка в их парадоксальных текстах меня просто прострелила. Там в конце на титрах есть фраза: «Меняем памяти алтын на тишины два соверена». И я смотрю: вот оно, про это хочу делать кино.

Лариса МАЛЮКОВА, «Новая»

«ПРЕЗИДЕНТ, МЕНЯЙТЕ КУРС!»

Елена Осипова, 77-летняя художница, двадцать лет выходит на улицы Петербурга со своими картинами-плакатами, написанными на злобу дня. Одни называют ее совестью города, другие — его позором. Так же как одни считают «спецоперацию» национальной трагедией и гуманитарной катастрофой, другие — освободительной акцией. Но Елену Андреевну сильнее всего пугают равнодушные люди, даже больше, чем противники.

В доме постройки конца XIX века, где живет Елена Андреевна, никогда не было капремонта. Ее коммуналка заставлена мебелью, которую покупали не менее полувека назад. К приходу гостей художница достает новое маленькое белое полотенце с вышитыми елочными игрушками. Елена Андреевна угощает нас рисом с овощами. Раскладывает его по тарелкам со словами: «Это вкусно, там даже есть мясо». Радуется, что у нее в запасе есть пачка чая. Распаковывает ее, объясняя: на днях как малоимущей принесли продуктовый набор из собеса.

Всю жизнь Елена Осипова, окончившая художественное училище, преподавала изобразительное искусство в школах. Но тринадцать лет назад ушла на пенсию.

— Детям нужно улыбаться, — говорит она, — а после смерти единственного сына (*в 2009 году.* — **Н. П.**) я не могла...

Пенсия у Елены Андреевны — шесть тысяч рублей. Еще полторы тысячи — надбавка как малообеспеченной.

— Последний месяц чуть больше добавили — около 9 тысяч получилось. А квартплата — пять тысяч. Заплати, ложись и умирай? — риторически спрашивает пенсионерка. — Естественно, я ни за что не плачу. Трачу только на еду. Телефон городской за неуплату отрубили. Штрафы (*после уличных задержаний.* — **Н. П.**) мне уже давно не назначают, потому что их брать не с чего.

— Иногда недобрые люди меня укоряют: «вам заплатили», «вы за деньги выходите» и все такое. Какие деньги? — недоумевает художница. — Все мои плакаты у меня дома лежат, ни одного я за двадцать лет не продала. Другие люди их фотографируют, делают копии и продают. Но я за это отвечать уже не могу. Порой на улице люди пытаются дать мне деньги, искренне хотят помочь, я вижу. Но я не могу их взять. Если я возьму хотя бы рубль, то это перечеркнет всё, что я делаю. А я это делаю не за деньги, а из своих убеждений. Убеждениями я не торгую.

Несколько лет назад горожане собрали художнице 5 тысяч рублей, чтобы выплатить штраф за участие в митинге. Но и эти деньги она отправила ребятам, осужденным по «Болотному делу».

Высказывать свои взгляды и убеждения публично — с плакатами в руках на улице — Елена Андреевна начала в 2002 году, после «Норд-Оста», и с тех пор не прекращает, несмотря на устрашения и запреты со стороны властей. Работами художницы, плакатами и картинами сегодня от пола до потолка заставлены и ее комнатка в коммунальной квартире, и чулан, и коридор.

— В ночь, когда случился штурм театрального центра, я работала дома — писала картину, сидя на диванчике перед телевизором, — вспоминает она. — В прямом эфире показывали события на Дубровке. Все ждали развязки, я тоже, и стала свидетелем этого ужаса. Я видела девушку с огромной косой — ее несли как дрова, а коса болталась сзади. Видела автобусы, заполненные людьми с запрокинутыми головами... А потом, спустя несколько дней, в новостях показали, как Путин приезжает в больницу, протягивает руку, и люди, которых чуть не уморили газом, которые потеряли родных и близких, жмут ему эту руку.

Елена Андреевна не выдержала, взяла ватман, кисть, написала: «Господин президент, срочно меняйте курс», — и впервые с плакатом вышла к Законодательному собранию на Исаакиевской площади. Весь день она провела на ступеньках в ожидании единомышленников или хотя бы интереса к себе, но тщетно. Осенью 2002 года за одиночные пикеты еще не задерживали и еще не было принято столько людоедских законов. Однако художницу будто не замечали: депутаты намеренно не глядели в ее сторону, проходя мимо.

— «Норд-Ост» россияне стерпели, — рассуждает Елена Андреевна. — Никто открыто не возмутился. В итоге случился Беслан. Его общество тоже проглотило. Только родители погибших детей выходили на улицу с самодельными плакатиками. А страна спала. Люди все время терпели. Вот и дотерпелись. Дожили до <...> с Украиной. До того, что весь мир отвернулся от России. Как могла страна Пушкина, Толстого, Достоевского докатиться до такого?

— Сначала я была в шоке, что немало россиян поддерживают «спецоперацию», — признается Осипова. — Когда она началась и я рано утром о ней узнала, то пошла на улицу с плакатом в совершенно суицидальном настроении. Но меня спасли люди. В тот день я увидела, что много людей, молодых и не только, разделяет мои взгляды. Подходят, говорят «спасибо». Один немолодой мужчина даже заплакал: «Ну как помочь? Чем помочь Украине?» В первый раз после начала «спецоперации» я стояла с плакатами на Невском проспекте, около памятника Екатерине II, на фоне театра, там было удобно прикрепить плакаты, потому что держать их мне уже тяжело. Тогда мне удалось долго простоять, потому что я не пошла к Гостиному Двору. Там были полицейские, и там меня, конечно, сразу бы забрали. А молодежь в тот день придумала новую форму протеста: они бегали группами по всему Невскому проспекту и кричали антивоенные лозунги. Это была такая акция мира. Плакатов у них не было. Но они все кричали. Я даже не ожидала такого. Это меня просто воскресило.

— Люди, которые спорят со мной, ругают, нападают на меня, тоже есть, — говорит художница. — Недавно у метро накинулись дамы такие, какие раньше в райкомах сидели, солидные, ухоженные, обеспеченные. Они вызвали полицию, и те меня увезли. А неделю назад у «Чернышевской» меня атаковали человек десять «титушек», мужчины и женщины, не давали развернуть плакат, пытались отобрать его и даже порвали. Тогда я сама попросила прохожих позвонить по «02», чтобы приехали полицейские и меня защитили. Мне трудно оценить, каких людей больше: тех, кто нападает и осуждает, или тех, кто поддерживает. Но точно — больше всего равнодушных. Тех, кто проходит мимо. Они не желают думать о будущем и о своих детях. Самая главная беда в том, что всё это останется нашим детям. Разгребать всё после нас придется им. Общество, которое не задумывается о будущем, не имеет права на существование.

Минувшие двадцать лет не прибавили Елене Осиповой здоровья. Сейчас ей уже трудно стоять, если не к чему прислониться — болит спина, ноют ноги. Тяжело долго держать в руках плакаты. В полицейский автозак ее приходится вносить не потому, что она сопротивляется, нет, просто не может сама подняться. Однако художника категорически настаивает, что не испытывает ни усталости, ни разочарования, ни апатии, ни бессилия.

— Наоборот, — утверждает она, — непонятно, откуда берутся силы! Физически я очень плохо себя чувствую. После пандемии и в силу возраста. Я в любой момент могу умереть, держусь только на лекарствах. Но силы откуда-то приходят, и я иду к людям, чтобы успеть что-то важное сказать.

Главные слова Елены Андреевны по-прежнему адресованы президенту: никогда не поздно сменить курс.

— Даже сейчас, — уверена художница, — эту ситуацию, безумно трагическую, можно обернуть на пользу. Чтобы погибшие с обеих сторон хотя бы не зря погибли, нужно во всем мире немедленно принять договор о непременении ядерного оружия. Было бы очень правильно, если бы это сделал Путин. Он человек в таком возрасте, когда уже пора задуматься о покаянии за вред, который ты в своей жизни причинил людям.

Нина ПЕТЛЯНОВА,
фото Елены ЛУКЬЯНОВОЙ

> «НО СИЛЫ ОТКУДА-ТО ПРИХОДЯТ, И Я ИДУ К ЛЮДЯМ, ЧТОБЫ УСПЕТЬ ЧТО-ТО ВАЖНОЕ СКАЗАТЬ

ОСТОРОЖНО, ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА ЗАКРЫВАЮТСЯ!

После начала «спецоперации» в Украине едва ли не единственным «окном в Европу» оставался российско-финский поезд «Аллегро» из Петербурга в Хельсинки. Теперь закрыто и оно

Финская компания VR объявила, что из-за санкций, наложенных на РЖД, прекращает совместную эксплуатацию поезда. До 27 марта он ходил, как объяснили финны, по требованию их правительства. Чтобы их сограждане смогли покинуть Россию. Теперь они считают, что покинули все: в воскресенье, 27 марта, в 15:30 ушел и не вернулся последний «Аллегро».

Allegro означает «быстро», пробегал расстояние от Петербурга до Хельсинки за 3 часа 27 минут. Курсировал четырежды в день туда и обратно с пятью остановками. Таможенный и пограничный контроль пассажиры проходили во время движения, не выходя из вагонов. Билет на «Аллегро» стоил 84 евро в вагоны второго класса и 134 евро в первый класс, он действовал и на региональные поезда по Финляндии. Многие на «Аллегро» доезжали до станции Тиккурила, а оттуда — электричкой до аэропорта Вантаа, улететь оттуда в любой европейский город было дешевле, чем из Пулково.

Финляндский вокзал. Суббота, 26 марта. Предпоследний день, когда ходит поезд Allegro Петербург — Хельсинки. Ни на один из воскресных, последних рейсов билетов не было.

Я приехала за 40 минут до отправления. Думала, что увижу толпу эмигрантов новой волны, штурмующих последний транспорт из России на Запад. Успевающих вскочить в последний вагон — в прямом смысле. Растерянных людей с баулами, плачущих родных... Но «Аллегро» как был поездом-праздником, на котором чаще всего ездили отдыхать, так и остался до конца. Только двое из всех, с кем я поговорила, сказали, что у них нет обратного билета. Молодой человек, у которого весь багаж состоял из одного рюкзака, признался, что едет «не куда, а откуда». Грузный седой мужчина с маской на подбородке мрачно ответил, что уезжает «на два месяца, а там посмотрим».

Хотя зал для пассажиров «Аллегро» все-таки был запружен большими чемоданами и сумками. К стойкам на проверку билетов тянулось несколько очередей. Наверное, вспомнила я участившиеся в последние дни рассказы, там, в голове очереди, стоят чекисты и проверяют у всех телефоны. Но там стояли всего-то работники РЖД, проверявшие паспорта и билеты. Нет ни сцен прощания, ни кошек, затравленно глядящих из-за решетки переносок.

Толстая корги присела на короткие задние лапы. Ждет, когда женщина у нее на поводке закончит напутствовать взрослую дочку: «Сообщи, как тебя встречать». Дочку зовут Светлана, на вид ей лет семнадцать, на самом деле преподает в вузе. Летит Светлана на Майорку — в отпуск.

— Я отпуск давно запланировала, — рассказывает Светлана, помахав маме с корги. — Билет брала из Хельсинки, оттуда он всего 10 тысяч стоил. Представляете, успела даже слетать в Загреб — поставить вакцину. Обратно летела последним рейсом, полеты в Россию закрывались буквально за мной. Повезло.

Накануне вечером, в 9 часов, Светлане пришло на почту письмо от РЖД. Говорит, что и заметила-то его случайно. В письме было сказано, что рейсы «Аллегро» отменяются.

— Я бросилась читать новости, смотрю — а они вроде как прямо завтра, 26-го, отменяются, — продолжает Светлана. — Бли-и-ин, думаю, у меня самолет в 14:30, я уже ни на чем не успеваю. Потом дочитала письмо — вижу, нет, туда я еще на поезде смогу уехать. Обратный билет на «Аллегро» тут же сдала, а возвращаться-то на чем? Решила — до конца отпуска времени много, что-то придумаю.

Между Петербургом и финскими городами курсируют (пока) автобусы. Марина, попавшая в такую же историю, как Светлана, обратный билет взяла уже на автобус.

— Еще утром в пятницу я смотрела — билет из Хельсинки в Питер стоил 3900, — жалуется она. — Вечером покупала уже за 5500.

Марина везет с собой на отдых 50 евро наличными, больше у нее валюты нет, купить не смогла. Когда я спрашиваю, как же она там без денег, загадочно отвечает: «Меня ждут».

Дальше, кого я ни спрашивала, один за другим отвечали, что летят в отпуск, причем почти все — в Испанию. Из Хельсинки в Барселону, дальше — Аликанте, Пальма-де-Майорка, Тенерифе. Наверное, суббота — такой день, когда хорошо лететь на Канары.

— А я там не отдыхаю, я там живу, — объясняет мужчина в красной куртке. — Кроме как из Финляндии теперь не улетишь. А из Хельсинки мне билет обошелся в 90 евро.

Другая категория пассажиров — те, кто в Финляндию едет домой. Немолодая женщина с усталым лицом говорит, что гостила у сестры в Петербурге, а из-за отмены «Аллегро» пришлось возвращаться на неделю раньше.

— В поезде за три часа доезжаешь, а в автобусе — почти восемь, — объясняет она. — И еще на границе неизвестно сколько простоишь. Как дальше буду к сестре ездить, не представляю.

Юля едет в командировку, у ее компании, говорит, раньше было много контрактов с финнами, теперь, наверное, поездка последняя.

— После того как в декабре «Аллегро» снова запустили, народу ездило много в обе стороны, — рассказывает. — А с конца февраля поезд ходил туда полный, как раньше, обратно — полупустой.

«Аллегро» отменяли надолго во время пандемии. Заново запустили 12 декабря прошлого года. Оказалось — всего на два с половиной месяца.

Поезд тронулся — по вагонам пошли пограничники, человек десять. Потом таможенники. «Вот оно, — подумала я, — сейчас начнут сумки потрошить, телефоны требовать...» Но они равнодушно проверяли паспорта, спрашивали цель поездки, кивали в ответ на дежурное «туризм» и шли дальше. На финской стороне полицейские спросили, есть ли обратный билет. Выяснив, что есть, причем на сегодня, разрешили въехать в страну с одним только тестом ПЦР — без европейской прививки.

Сразу после российско-финской границы на путях стояло какое-то удивительное количество товарных вагонов с надписями «Русский мир». Это как раз не удивило, такие «русские миры» на облупленных железнодорожных цистернах я уже видела не раз. Но на одном контейнере крупными белыми буквами была написана фраза из двух слов (первое — «нет»), за которую в России можно сейчас схлопотать лет пять. Жаль, поезд шел быстро, сфотографировать не смогла. Хотя бы на память.

Потом были пять часов в Хельсинки до обратного поезда. Гулять по городу оказалось холодно, я заходила в магазины. Это очень странное ощущение: вот магазины, вот у тебя в кошельке карта, даже есть кредитка, а купить ты все равно не можешь ничего. Ты не можешь остановиться в гостинице, не можешь провести неделю в финском коттедже в лесу. Ты не можешь тут ни-че-го, даже купить бутылку воды. Наверное, правильно, что и «Аллегро» больше не будет.

Обратно он действительно шел полупустой.

Ирина ТУМАКОВА, фото автора

тем временем

ПЕТЕРБУРГ. АЭРОПОРТ

Возле шлагбаума долгосрочной парковки висит объявление: «Свободных мест нет, ищите на других парковках». Но за шлагбаумом оказалось столько места, сколько его никогда не было за время существования этой стоянки. Объявление, видно, забыли снять со времен, когда мир начал открываться после пиков пандемии и авиарейсы возвращались в аэропорт.

Сейчас в Пулково так тихо, как было в самом начале пандемии. Только теперь мало надежды, что сюда вернутся толпы пассажиров и очереди на регистрацию. У шаттла, курсирующего между парковкой и терминалом, интервал увеличили до получаса.

У самолетов тоже увеличен интервал: садятся и взлетают, судя по табло, с промежутками в четверть часа и больше. Напротив российских рейсов на юг — Краснодар, Минводы, Анапа — красным горит Cancelled. Есть один рейс в Сочи. Международных рейсов — два: в Доху и в Дубай. У стойки регистрации на Эмираты очередь из трех человек, на Катар — ни души, до конца регистрации 30 минут.

Есть рейс на Ташкент, вот его ждет очень много народу. Раньше были еще на Фергану и Ургенч, но они тоже cancelled. Лондон — cancelled. Ларнака — cancelled. Больше ничего нет уже и в расписаниях.

«Воздушные ворота северной столицы» — так называется компания, управляющая аэропортом Пулково. Железные ворота закрылись наглухо, на них висит ржавый замок.

Баллада

ПЛОЩАДЬ НЕЗАВИСТЛИВОСТИ

Дмитрий БЫКОВ

Проскроллив пару десятков лент,
Сейчас попаду не целясь:
Вторичный признак — ресентимент,
Первичный — неполноценность.
Всегда травили меня гурьбой,
Шушукаясь за спиною,
Не те, кому нравится быть собой,
А те, кто хотел бы — мною.

У барда N никаких проблем,
Но он неудачник в главном —
Он хочет быть поэтессой М.,
Увенчанной щедрым лавром.
Тщеславье — бешеный, жадный зов,
Гротески Калло и Гойя,
*Который год батальон «Азов»***
Ему не дает покоя.
У М. густой православный грим,
Но постная поэтесса
Не стала мягче, присвоив Крым:
Теперь ей нужна Одесса.
Она ругает судьбу свою,
Ей тесно в границах жанра:
Она хотела бы стать как Ю.
И скалиться кровожадно.

У Ю. — своя кривизна в судьбе,
Там тоже видна причинность:
Ей быть хотелось поэтом Б.,
Однако не получилось.
У Б. случился позорный текст
По поводу Украины,
Он сам признался, что был из тех,
Кто всюду видит руины,
Поскольку он, несмотря на пост
И грохот славы желанной,
Хотел не Нобеля взять за хвост,
А быть Мариной Иванной.

А вот она, несмотря на не-
Слиянность души и тела,
Была довольна собой вполне
И быть другой не хотела.
Не склонен к зависти только тот,
Кто мнит себя лучше прочих:
Из них выходит святой народ
Эстетов-чернорабочих.
И хоть ее нищета рвала
Безжалостными клещами,
Она всю жизнь занята была
Значительными вещами:
Не как бы ей превратить в ЗэКа
Соперника основного,
А как бы ей прокормить сынка
И выбрать лучшее слово.

На штурм и вылом чужих ворот
Кидается год за годом
Народ-подпольщик, полународ,
Боящийся стать народом.
Толпу завистников и калек
Ведет по кровавым рекам
Безликий призрак, сверхчеловек,
Считаясь сверхчеловеком.
И каждый зависть несет свою,
Бурлящую, будто Этна,
И обольщается, что в строю
Все это не так заметно.

О мрак подполья!
О взвизги крыс!
О вечный, ползучий комплекс!
Уймись, умойся, утрись, заткнись,
О стены соседа кокнись!
И пусть нас выведет в новый путь
Правитель с лицом и именем,
Герой, умеющий что-нибудь,
Довольный собой.
Как минимум.

Я часто думаю: где черта,
Свинцовая, как белила,
Граница та, паляница та,*
Что нас навек разделила
На тех, кто запер себя в клозет,
Где страстно ругают Запад
И любят символы в виде «зет»,—
И тех, кто туда не заперт?

* *Шиболет нашего времени.*

** *Запрещенная в России террористическая экстремистская организация.*

Редакторы номера:
В. Половинко, А. Полухин

www.novayagazeta.spb.ru www.novayagazeta.ru

Наш адрес в интернете:
NovayaGazeta.Ru

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)
Сергей КОЖЕУРОВ (директор)

Редакционная коллегия:
Ольга БОБРОВА (зам главного редактора),
Руслан ДУБОВ (ответственный секретарь),
Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора),
Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора),
Лариса МАЛЮКОВА(обозреватель),
Кирилл МАРТЫНОВ (первый зам главного редактора),
Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции),
Алексей ПОЛУХИН (зам главного редактора),
Надежда ПРУСЕНКОВА,
Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора),
Юрий РОСТ (обозреватель),
Петр САРУХАНОВ (главный художник),
Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора),
Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры),
Арнольд ХАЧАТУРОВ (редактор отдела экономики),
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора)

Обозреватели, специальные корреспонденты и руководители направлений:
Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН, Татьяна БРИЦКАЯ, Борис БРОНШТЕЙН, Дмитрий БЫКОВ, Татьяна ВАСИЛЬЧУК, Борис ВИШНЕВСКИЙ, Александр ГЕНИС, Ирина ГОРДИЕНКО, Павел ГУТИОНТОВ (истфак «Новой»), **Елена ДЬЯКОВА, Иван ЖИЛИН** (редактор репортерской группы), **Андрей ЗАЯКИН** (дата-отдел), **Вячеслав ИЗМАЙЛОВ, Павел КАНЫГИН** (руководитель продюсерского центра), **Елизавета КИРПАНОВА, Денис КОРОТКОВ, Елена КОСТЮЧЕНКО, Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МИЛАШИНА, Владимир МОЗГОВОЙ, Сергей МОСТОВЩИКОВ, Галина МУРСАЛИЕВА, Ирек МУРТАЗИН, Леонид НИКИТИНСКИЙ, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, Елена РАЧЕВА, Ким СМИРНОВ, Алексей ТАРАСОВ, Слава ТАРОЩИНА, Марина ТОКАРЕВА, Ирина ТУМАКОВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР, Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА, Ян ШЕНКМАН**

Мультимедиа:
Анна АРТЕМЬЕВА, Ирина БЫКОВА, Влад ДОКШИН, Анна ПИНДЮРИНА, Марья УРОСОВА (Тик-Ток), **Глеб ШУЛЬЦ-ИВОНИН, Надежда ЮРОВА**

Собственные корреспонденты:
Надежда АНДРЕЕВА (Саратов), **Евгения ДИЛЛЕНДОРФ** (Лондон), **Изольда ДРОБИНА** (Урал), **Мария ЕПИФАНОВА** (страны Балтии и Северной Европы), **Александр МИНЕЕВ** (Брюссель), **Ольга МУСАФИРОВА** (Киев), **Александр ПАНОВ** (Вашингтон), **Нина ПЕТЛЯНОВА**(Санкт-Петербург), **Елена РОМАНОВА** (Ростов-на-Дону), **Юрий САФРОНОВ** (Париж), **Валерия ФЕДОРЕНКО** (Владивосток), **Ирина ХАЛИП** (Минск)

Группа выпуска:
Анна ЖАВОРОНКОВА (арт-директор), **Алексей ДУШУТИН, Алексей КОМАРОВ, Татьяна ПЛОТНИКОВА** (бильд-редакторы), **Диана ГРИГОРЬЕВА, Оксана МИСИРОВА, Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО** (технические редакторы)

WEB-редакция:
Наталья ГЛУХОВА, Мария ЕФИМОВА, Надежда КАЛИНИНА, Никита КОНДРАТЬЕВ (редактор службы новостей), **Александра КОПАЧЕВА, Софья КРУГЛИКОВА, Дарья КУДРИНА, Александр ЛАВРЕНОВ, Надежда МИРОНЕНКО, Александра НОВИКОВА, Вячеслав ПОЛОВИНКО** (старший продюсер сайта), **Серафим РОМАНОВ, Анастасия ТОРОП**

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН (генеральный директор ЗАО «ИД «Новая газета»),

Владимир ВАНЯЙКИН (управление делами), **Ирина ДРАНКОВА, Елена СЕДОВА** (бухгалтерия), **Наталия ЗЫКОВА** (персонал), **Анжелика ПОЛЯКОВА** (реклама),

Ярослав КОЖЕУРОВ, Галина КАРАЛАШ, Екатерина СЕДОВА (юридическая служба),

Валерий ШИРЯЕВ (заместитель директора)

Пресс-служба:
Надежда ПРУСЕНКОВА

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: **ООО «МЕДИА.С-Пб»**
СПб., 11-я линия, 66
Главный редактор: **Д. Л. КАЧАЛОВА**

Адрес редакции и издателя:
199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:
ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — **111 530 экз.**

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — **40 100 000** просмотров за февраль 2021 г.

Тираж одного номера в СПб — **2320 экз.**

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция: АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2022 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Заказ № 28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63.
Срок подписания в печать по графику: 19.30, 26.03.2022 г.
Номер подписан: 19.30, 26.03.2022 г. Время подписания номера в печать в СПб: 23:00, 27.03.2022. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».